

РОВЕСНИК

7
1979

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА — *Июль, 1979, № 7*

«Странники в ночи» и другие материалы НА ТЕМУ «МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДА И РЕЛИГИЯ» читайте в этом номере «Ровесника»

На первой странице обложки: эти вьетнамские ребята третий год живут в Ленинграде. Здесь они учатся в ПТУ, чтобы вернуться домой, где их знали детьми и солдатами, — опытными фрезеровщиками, плавильщиками, слесарями. Вернуться и строить Вьетнам, будущее которого во многом теперь зависит от них.

Рассказ о жизни вьетнамских ребят в Ленинграде читайте в этом номере журнала.

Фото Г. МАЛАХОВА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, В. М. БУДАРИН, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, О. А. ГОРЧАКОВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), А. М. ЛЕВИН, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Г. И. Лещинская

Адрес редакции: Москва, 125015, ГСП, Новодмитровская ул., 5а
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал

Сдано в набор 16.05.79. Подп. к печ. 21.06.79. АО3582. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Условн. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 1 176 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 810

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

БУДАПЕШТ. В ВНР создана Национальная комиссия для подготовки и координации мероприятий Международного года ребенка. А таких мероприятий в республике проходит немало. Еще в прошлом году был объявлен конкурс на лучшее художественное произведение для детей (песни, стихи, пьесы, короткометражные фильмы). Сейчас специально созданное жюри занимается отбором лучших работ. В школах были проведены базары, на которых дети продавали игрушки, сделанные ими самими. Собранные деньги были перечислены в Чрезвычайный фонд помощи детям при Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ). Задачи, связанные с воспитанием и профессиональной ориентацией детей, обсуждаются на специальных форумах, которые организует Национальная комиссия с участием представителей школы, шефских предприятий и родителей.

НЬЮ-ЙОРК. По приглашению организации молодых коммунистов США — Союза молодых рабочих за освобождение — делегация советской молодежи и группа молодых артистов Большого театра и Музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко приняла участие в фестивале «Молодежь чтит память Поля Робсона». В рамках фестиваля состоялись встречи, беседы, выступления советских артистов в школах, колледжах, университетах, концерты на профессиональных сценах. Члены делегации, встречаясь с американской молодежью, рассказывали о советском образе жизни, о системе образования, творчестве молодых.

БОНН. Печать ФРГ постоянно сообщает о вылазках неонацистов в разных городах страны. Прокуратура Федеративной республики раскрыла заговор правых экстремистов, которые намечали похищения и убийства прогрессивных деятелей. Были обнаружены тайные склады оружия и неофашистской литературы. Выступая против вылазок неофашистов, прогрессивная общественность ФРГ требует положить конец их деятельности, шире знакомить молодежь с преступлениями, совершенными фашистами в годы второй мировой войны.

На снимке: демонстрация протеста против активизации неофашистов в ФРГ, в которой приняли участие коммунисты, представители профсоюзных, молодежных и религиозных организаций.

СИЭТТЛ. Впервые за 75 лет своего существования известный во всем мире симфонический оркестр города Сиэттла объявил забастовку. Музыканты требуют заключать контракт с каждым исполнителем не на неделю, а на сезон и в соответствии с этим установить твердые ставки зарплаты, которые бы не менялись от недели к неделе; гарантировать оплаченный отпуск; ввести в контракт пункт о 40-часовой рабочей неделе и обязательном выходном дне. Корпорация, владеющая оркестром, отказалась выполнить требования музыкантов, опасаясь, что их примеру последуют и другие исполнители. Студенты Сиэттла взяли на себя распространение билетов на те благотворительные мероприятия, средства от которых пойдут в фонд бастующих музыкантов.

КАБУЛ. Народная организация молодежи Афганистана (НОМА), которая объединяет 230 тысяч юношей и девушек от 15 до 30 лет, проводит активную кампанию в поддержку декрета о земельной реформе. Члены НОМА выезжают в юго-восточные районы страны, где сейчас ведется работа по реализации декрета, разъясняют крестьянам политику Народно-демократической партии, участвуют в строительстве школ, медпунктов, организуют курсы по ликвидации неграмотности.

БИСАУ. Первая национальная конференция Организации африканской молодежи имени Амилкара Кабрала (ЖААК) утвердила устав и положение о первичных молодежных организациях, избрала высший руководящий орган ЖААК — Национальную комиссию. Делегаты, прибывшие со всех концов Республики Гвинея-Бисау, выразили намерение укреплять дружбу с прогрессивной молодежью всего мира, и в первую очередь — социалистических государств.

ГАВАНА. Коммунистическая партия и правительство острова Свободы проявляют огромную заботу о подрастающем поколении. До революции на Кубе не было ни одного детского сада. За первые десять лет после победы революции были созданы 650 детских садов, по пятилетнему плану 1976—1980 годов предполагается построить еще четыреста. За эти же годы будут построены сотни новых школ, пионерских лагерей, спортивных комплексов, детских больниц.

На снимке: в одном из детских садов Гаваны.

САН-САЛЬВАДОР. Межамериканская комиссия по правам человека опубликовала доклад, в котором сообщается, что в Сальвадоре убийства, пытки и «исчезновения» профсоюзных активистов, католических священников и других противников правящего режима приняли систематический характер. В докладе сообщается о ста случаях «исчезновения» прогрессивно настроенных граждан. По законам страны допускается содержание людей в тюрьме без суда и следствия неограниченное время. В докладе подчеркивается, что эти вопиющие нарушения прав человека не мешают США оказывать репрессивному режиму Сальвадора всяческую поддержку.

АДДИС-АБЕБА. Одна из задач национальной кампании «Развитие через сотрудничество» — ликвидация неграмотности в Эфиопии. В рамках этой кампании около 60 тысяч преподавателей школ и вузов, студентов и учащихся старших классов выехали в самые отдаленные уголки страны для создания курсов по ликвидации неграмотности. Одновременно по всей республике строятся новые школы, учительские колледжи. Только в провинции Бале за годы после победы революции число учащихся выросло в два раза, а число школ в 2,5 раза.

БЕРЛИН. Молодежь Германской Демократической Республики активно участвует в общенародной подготовке к 30-летию первого в истории немецкого государства рабочих и крестьян. Так, на одном из старейших предприятий ГДР — комбинате «Нарва» — по инициативе молодых производственников — членов Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ) широко развернулось соревнование за достойную встречу знаменательной даты. Ударный труд коллектива нарвовцев недавно отмечен присвоением комбинату имени Розы Люксембург. С высокой наградой друзей из ГДР поздравили представители братских союзов молодежи социалистических стран, в том числе и комсомольские организации смежных предприятий Советского Союза, которых связывает с молодежью комбината давняя дружба.

На снимке: Ангелина Лейман, активист заводского комитета ССНМ, рассказывает своим друзьям о поездке в Советский Союз.

КАК ТЫ ВЫЖИЛО В НАС, ПРЕКРАСНОЕ?..

Александр ШУМСКИЙ,
Геннадий МАЛАХОВ (фото),
наши спецкоры

ЛЕНИНГРАД, 26 марта (корр. ТАСС). Орден Дружбы Социалистической Республики Вьетнам вручен сегодня профессионально - техническому училищу № 92. Высокой награды его коллектив удостоен за большой вклад в укрепление советско-вьетнамской дружбы, подготовку квалифицированных рабочих для братской страны. За десятилетие ленинградское ПТУ окончили более 500 металлургов, фрезеровщиков, слесарей, работающих ныне на предприятиях Вьетнама.

Чужое горе, к сожалению, бывает: пословица, конечно, не права. Если бы его не было — чужого горя — на земле, возможно, наступил бы вечный рай, жизнь без светомаскировки.

Чужое горе не убивает, как свое, а вызывает в человеке сострадание, сочувствие...

Вот и у этих ребят из Вьетнама детство, отрочество, юность — все осталось на войне. Вы их видите на снимках в Ленинграде. Многих направили в этот город из Вьетнама как детей погибших фронтовиков учиться в ПТУ. На их лицах не было видно скорби не потому, что они ее умело скрывали, а просто потому, что нельзя постоянно жить в горе: не для этого ты — человек. Глаза их не горели весельем. Зато в них светилось неугасимо врожденное чувство долга. Вещь, понятная в нашу эпоху не всем. Но вот они прекрасно понимали, что Вьетнам надо строить, очищая избитое тело страны от засохших и грязных лохмотьев войны. И одевать его во все чистое, белое, новое. И делать это придется им. Всю работу — своими руками. (Я думаю, ясно — откуда у них чувство долга?)

Они приехали сюда из другого мира, а мне показалось даже — из другого времени. Это когда в общежитии мы смотрели фильм по телевизору про агрессию Китая.

Фильм назывался «Пекинская карта». Вьетнамцы смотрели молча. И сказали пару слов, лишь когда на экране мелькнули кадры, снятые в Донгданге, городе провинции Лангшон.

— Мы там оформляли документы, когда ехали в Советский Союз, — сказал переводчик Хьеп. — В Донгданге были страшные бои.

Вероятно, оператор включил кинокамеру, сидя в кузове военного

грузовика, и теперь изображение в телевизоре прыгало и шаталось (что значит съемка с рук!). И вдруг я догадался, почему мне показалось, что эти кадры из другого времени, что сделаны они лет тридцать пять назад. Да потому, что телеграфные провода после обстрела и бомбежки во все года влачились одинаково беспомощно и на дорогах бесполезно лежали телеграфные столбы...

Ленинград встречал вьетнамцев ласково, гладил ветром по голове, ибо дети фронтовиков и маленькие стойкие солдаты — люди, ему близкие всегда. И судьбы их понятны Ленинграду. И он сегодня раскрывает им, как близким, свои объятья — улицы, мосты.

Грифоны, державшие Банковский мост, блистали на солнце златыми крылами.

— Поехали, — сказал водителю экскурсовод, когда экскурсанты вернулись в «Икарус».

Гид сидел спиной к движению: опыт позволял ему не глядя описывать в микрофон великие памятники архитектуры.

— Самый старый каменный мост нашего города назывался Прачечным. Он расположен на Фонтанке. Вы его увидите. При Петре Первом было построено сорок деревянных мостов на малых реках и каналах — на Неве мостов тогда не строили... А вот здесь был первый цепной мост в России. По нему решили провести трамвай. Сохранилась фотография. Передайте, пожалуйста, по рядам...

Фотография оказалась трогательная, потому что сделана была в те времена, когда жители Петербурга гораздо больше удивлялись наличию на улицах фотографа с треножником и черным балахоном, чем конкам с колокольным звоном.

Олег Сысоев сравнил происходившее на снимке с происходящим за окном («Икарус» здесь притормозил по просьбе гида) и передал фото Ха Тхо Хонгу, вьетнамскому юноше, приятелю своему по училищу. ПТУ-92 готовит специалистов для Вьетнама, Ливии, Финляндии, Иордании, Марокко, Анголы, Мали, Гвинеи-Бисау...

Что знал Сысоев про Ха Тхо Хонга из провинции Тханьхоа?

Только то, что Хонг прилично играет в футбол. Они, кстати, так и познакомились: на площадке во дворике общежития. Вьетнамцы проигрывали иорданцам свой микроматч, когда Сысоев в старых кедах подошел и присел на скамейку. «В футбол будешь?» — спросил его Хонг. «А за кого?» — спросил Сысоев. «За нас, конечно», — ответил Хонг и улыбнулся. Через минуту они уже забили первый гол: прошли вдвоем, в одно касание всю площадку, Олег выманил на себя вратаря и пяткой, как Стрельцов, сбросил мяч набегавшему Хонгу. Тот пробил «шведкой» — внешней стороной стопы — прямо в левый уголок...

А как он воевал, Олег не знал. И Хонг не очень-то рассказывал. Чем тут хвастаться — с шестнадцати лет на войне. Даже в школу ходил с зеленой веткой на зеленом пробковом шлеме: чтобы с самолета приняли за куст. За человека примут — обстреляют. А после 10-го класса призвали в армию. Воевал на юге Вьетнама, командо-

вал отделением разведчиков, был ранен, после госпиталя вернулся на фронт...

(«Уже шофером», — улыбнулся Хонг. «Водителем машины, — уточнил Хьеп, переводчик. — На маленькой машине возил большого начальника».)

Лишь три года назад он торжественно сдал оружие командиру полка и поклонился земле, вечно горькой от пороха...

Я убрал блокнот, в который записывал жизнь человека по имени Хонг.

— Скажите, пожалуйста, а у вас есть семья, дети? — спросил меня Хонг. И только теперь я случайно вспомнил, сколько ему лет, как он поразительно молод для такой биографии.

— Нет, — сказал я. — Детей нет.

— Жаль, — сказал он с явной грустью.

«Что же происходит? — подумал я. — Ведь все должно быть наоборот: это я ему должен сочувствовать — он вдали от родины, без семьи... И жалеет меня, незнакомого человека. Так ему хочется, чтобы порядок был на земле, чтобы у всех были дети, а у всех детей — родители. И пусть судьба ставит ему, Хонгу, невыполнимые условия — он готов».

— Перед вами Петропавловская крепость — первое здание, возведенное по указу Петра в будущей столице государства Российского, — сказал гид в микрофон, когда автобус со вздохом поднялся на Кировский мост. — Крепость была построена на острове Заячьем с военной целью...

Была совсем не ленинградская погода. И ленинградцы, удивленные теплом, стояли под стеной Петропавловки, на пляже, в плавках и ловили солнце. И на обычный полуденный выстрел крепостной старинной пушки даже головы не подняли и глаз не открыли. А вьетнамцы тем более: что для них холостая стрельба?..

Вся небольшая семья провожала Хонга в Россию: мать, отец и младший брат.

Отец сказал: «Помнишь, я хотел, чтобы ты тоже стал врачом? (Сам он был врачом в провинции Тханьхоа.) Но тогда у нас была война. А теперь она кончилась, и ты едешь учиться в Советский Союз. Ты уже взрослый, Хонг. Ты умеешь командовать людьми, а я этого никогда не умел. И я даже не знаю, кем ты хочешь стать?» — «Слесарем-инструментальщиком по штампам и пресс-формам», — ответил Хонг.

Отец задумался. Мать сказала: «Тоже хорошо».

А младший брат-милиционер промолчал.

А в это время на другом краю земли — на Северном Кавказе — мать собирала в дорогу сына Александра Дана. И его дорога вела туда же: в Ленинград, в ПТУ на Очаковской. Мать сказала на прощание: «Лучше быть хорошим сапожником, чем плохим генералом».

Так она согласилась с выбором сына, который после 9-го класса жизнь решил начать с профессии токаря-универсала «с правом работы на программных станках».

Большое горе способно озлобить любого. Способно сделать человека подозрительным и скрытным, то есть придать ему свойства, необходимые для мести.

И сколько надо иметь мужества, чтобы и в горе оставаться самим собой.

...Поздно вечером плавильщики цветных металлов возвращаются в общежитие с завода «Красный выборжец», с производственной практики. Умываются, пьют чай, а потом полночи играют в настольный теннис. Конечно, это не метод сбить усталость с плеч. Но это, пожалуй, единственный шанс для них ненадолго, хоть на полчаса, вернуть себе детство, незаконно отнятое... И в азарте игры позабыть, что ты взрослый, что ты солдат, рабочий и хозяин той далекой земли, вечно горькой от пороха. Так что короткие ночи весны — единственное удобное время для путешествий в детство.

Первое время они спали на полу. Снимали белье с кроватей и ложились по привычке на матрац, как на циновку. Дежурный воспитатель заглянет в комнату, а там все кровати пустые...

— Гранит для Дворцовой набережной возили подводами из-под Выборга, — объяснял экскурсантам гид. — Гранит был серый и розовый... Когда-то Летний сад украшали фонтаны — пятьдесят фонтанов самых причудливых форм. Но однажды весной в конце девятнадцатого века во время сильного наводнения Нева вышла из берегов, и затопила Летний сад, и повредила все фонтаны. С тех пор их так и не восстановили...

Когда проезжали Эрмитаж, Александр Дан вспомнил, как они под Новый год пришли сюда с Тьеном фотографировать картины. Александру было интересно: Тьен первый вьетнамец, с которым он имел дело. «Как вы там живете, расскажи?» — спросил его Дан по-русски. «Во Вьетнаме хорошо, но очень трудно», — ответил Тьен.

Потом Александр часто приходил к вьетнамцам в гости, на третий этаж. И пока он пил душистый чай, они обязательно чем-нибудь занимались: Тьен шил брюки, Нян играл на флейте, Хоан реконструировал приемник.

— Саша, хочешь я и тебе сошью? — сказал однажды Тьен.

— А джинсы можешь? — спросил Дан, которому надоело ходить в форменных синих штанах.

— Хорошо, — кивнул Тьен и достал из шкафа сантиметр. За 15 минут он измерил Дана вдоль и поперек, а через четыре часа принес ему готовые джинсы. И вечером они пошли на танцы в Дом культуры «Пищевик».

А когда вернулись, все уже спали, только Тань сидел за столом и при лунном свете ночника писал письмо на Урал — девочке Тане. Тань был широкоплечий симпатичный парень, похожий на героя картины «Гений дзюдо». (Вы видели «Гений дзюдо»?) С Таней он познакомился летом в стройотряде в Коми АССР.

Все это было давно, еще до войны, до 17 февраля 1979 года.

— Поехали дальше по набережной, а там направо, — сказал экскурсовод водителю.

— Какие тихие дети, — сказал водитель гиду, заглядывая в зеркало заднего вида.

— Ты ошибаешься — это не дети. Это солдаты, — пояснил экскурсовод, когда автобус выскочил на Невский.

Любые воспоминания о войне — тяжелая забота ветеранов. Почетное дело солдатской судьбы. Но странно и страшно звучат воспоминания сегодняшних мальчишек о сегодняшней войне.

Мне Александр Дан рассказывал про зимний день в училище — день 17 февраля, когда Китай начал агрессию против Вьетнама.

«Было часа четыре. Я сидел у себя в комнате, читал книгу. Пришел знакомый парень со второго курса и сказал: «Китай напал на северные провинции Вьетнама. По радио передали. На вашем курсе есть кто-нибудь из северных провинций?»

Я не ответил, потому что не знал. Я в ту минуту подумал: что же будет? Ничего нет на свете страшнее войны, по-моему...

У нас ужин позже, чем у вьетнамцев. Я пошел в столовую, встретил Тьена, он уже все знал, я спросил: «Как же вы теперь? Ведь это война...» Ветер был сильный, с Балтики, Тьен поднял воротник и уши опустил у черной шапки. У него был вид часового, который на морозе уже много часов подряд охраняет склад боеприпасов, и никто его не сменит на посту.

— Что же теперь будет? — теребил я его. — А, Тьен?..

Он ответил, будто сам себе: «Это очень плохо. Но все будет хорошо».

И пошагал в общежитие по улице Красной конницы: такой худой мальчонка — со спины, и ветер Балтики мог сдуть его с дороги — так казалось. Но не сдул однако.

Все радиостанции мира, все газеты сообщают подробности о масштабах и зверствах китайской агрессии, а Тьен говорит упрямо: «Все будет хорошо». И свой ответ он повторяет устало и кратко не потому, что ему надоели с вопросами, а потому, что верит в жизнь, как в сказку, в которой добро все равно побеждает зло. Рано или поздно.

Но как заставить себя не думать постоянно о том, что вот уже несколько десятилетий твою родину, твой Вьетнам без передышки рвут бомбежками на части...

И не успели раны затянуться, как снова начинается война.

В тот день у них в землячестве было собрание. Все просились на фронт. Но руководители установили тишину и коротко ответили ребятам: «Ваш фронт — учеба. Родина требует, чтобы вы оставались на местах и учились».

19 февраля вьетнамцы сдавали экзамен по теме «Советский Союз». Все сдали на «отлично».

— Автор Садового моста архитектор Росси. Обратите внимание на фонари: их украшают военные доспехи. Символ победы России над Наполеоном. Щит и копья... А этот мостик назывался до революции Полицейским. Сейчас он Народный. Лебяжья канавка прорыта при Петре Первом.

По итогам спартакиады СГПТУ-92 сборная команда Вьетнама заняла первое место. Вьетнамцы стали чемпионами интернационального училища по шашкам, настольному теннису, волейболу. И только в одном виде программы — в поднятии тяжестей — заняли 4-е место. Здесь победила сборная Ливии. До Тха Тиен, Нгуен Куок Муй и Ву Ван Линь вместе не смогли поднять штангу, которую поднял легко учащийся из Ливии Ахмет. Но это их не огорчило. Их сила в другом.

— У нас в Ханое, — сказал мне Нян, друг Саши Дана, — люди не проходят мимо, если видят, что с человеком нехорошо. Несчастье, понимаете? Допустим, станут меня бить на улице — прохожие обязательно заступятся. Понимаете?

Нян сделал флейту из простой алюминиевой трубки. И подарил ее Саше Дану. Дан в детстве ходил в музыкальную школу, где учился играть на кларнете. Поэтому он разбирался в таких инструментах и удивился, услышав, как здорово звучала самодельная флейта — совсем без «петухов».

— Флейта — это музыка гор, — объяснил Нян, который никогда не учился в музыкальной школе. — Все горцы во Вьетнаме умеют играть на флейте.

Он взял ее в руки и прижал к губам... Мелодия была непривычной и тихой. Дан пытался ее подобрать на гитаре. Нян играл с закрытыми глазами. Какие картины он видел под смуглыми веками? Какие пейзажи?

— Решетка Летнего сада считается самой красивой в городе. Тульские мастера ее ковали двенадцать лет. После слов «двенадцать лет» экскурсовод сделал выразительную паузу. Видимо, в расчете на эффент. Но «двенадцать лет» не произвели на вьетнамцев никакого впечатления: они сами кого угодно могут научить долготерпению... Однако решетка Летнего сада их заинтересовала сильно, как и всё в этом городе.

— Они очень любят красивое, — сказал про вьетнамцев Саша Дан.

Я думаю, дело не только в этом. Просто Ленинград для них — живой пример непобедимости и верности. И ленинградцы, которые их встретили и приняли, сохраняют свой город таким не только в памяти. Война, по жестокому замыслу ее авторов, не должна была оставить на земле Ленинград... И они постарались: камни плавились, качались постаменты, люди глохли от бомбежки и слепли в подвалах. Но война умерла, а город — нет. Поэт, мальчишкой пережив блокаду, написал про свое поколение: «Как ты выжило в нас, прекрасное? Как сумело остаться в нас?»

Но даже поэт, обладающий даром предвидения, не мог тогда знать, что его стихи через тридцать восемь лет можно будет посвящать ребятам из другого поколения, из далекой другой страны.

«В нашей стране детям дают красивые имена: Хыонг — Аромат, Хоа — Цветок... — напишет через много лет в своей тетради солдат Вьетнама, ученик слесаря-инструмен-

тальщика с завода «Красный выборжец» Хунг. — Мы думаем, как прекрасно должно быть их будущее. Они вырастут и поймут, почему их матери должны были с малышами на руках прыгать в траншеи, спасаясь от китайских агрессоров...»

Вчера переводчик Хьеп читал письмо Кыонга из Ханоя. Кыонг тоже учился в Ленинграде, в 92-м ПТУ. И вот что он писал своим учителям:

«Мы с вами прожили три года вместе в Ленинграде. В то время я часто обращался к вам по различным проблемам, и вы мне искренне помогали. Сейчас я живу хорошо. Работаю на электростанции. Я женат. У меня трое детей. Из пятой группы работают вместе со мной пять человек. Остальные — в разных районах.

Что я хочу сказать моим землякам, которые остались в Ленинграде? С детства я мечтал учиться, и мне выпал случай приехать в СССР. Счастливый случай лучше, чем тысяча праздников...»

— Кыонг работал на «Красном выборжце», — пояснил мне Хонг, выслушав внимательно текст письма. — У него был мастер Павел Иванович Греков. Он сейчас на пенсии... У нас на «Автоарматуре» тоже хороший мастер — Виктор Александрович. Он молодой, но у него есть жена и дети. Жена инженер. Она скоро поедет во Вьетнам, — сказал Хонг с радостью, но без зависти. — Он и сам скоро защитит диплом и поедет домой... А зависть вообще, мне кажется, несвойственна вьетнамцам. Это чувство они не развивают в своем характере. Иначе пришлось бы завидовать чуть ли не всему миру, который не знает сегодня войны. Но так ведь и жить невозможно...

На набережной реки Фонтанки автобус остановился, и экскурсанты вышли на минутку — посмотреть, как ленинградские мальчишки ловят рыбу. В мешках из целлофана было пусто — одна вода. Мешки стояли под ногами как бесплатное кино для прохожих, чтобы те могли заглянуть, покачать головой и спросить: «Ну и что — клюет?» — «Клюет», — говорили гордо рыбаки. Она действительно клевала, но не ловилась. И Хонг, который в юности командовал взводом, попросил смущенно удочку. Парень дал — жалко, что ли? Хонг забросил свой крючок в тень, подальше от других. Весь автобус наблюдал и набережная тоже: чем это кончится?.. А кончилось удачей — он подсек и вытащил худого весеннего пескаря. И удочку вернул хозяину вместе с рыбкой. «Ну ты и счастливый», — сказал удивленный хозяин семнадцати лет. «Возможно, возможно», — улыбнулся вежливый Хонг и пошел к автобусу...

— Наша экскурсия называлась «Мосты и решетки Ленинграда», — сказал на прощание гид.

...Вьетнамцы устали. Война кончилась, но следы ее были бесчисленны, они уходили на север Вьетнама, где земля была горькой от пороха. И ленинградские вьетнамцы в эти дни работали на заводах большого города вместе с ленинградцами — в фонд своей республики, где жить хорошо, но пока еще трудно.

Ленинград

СТРАННИКИ В НОЧИ

Ю. КАГРАМАНОВ

— Куда нам себя девать сегодня, — крикнула Дэзи, — и завтра, и еще тридцать лет?
Ф. Скотт Фицджеральд. «Великий Гэтсби»

«Ночная бабочка... ищет света ламп, который люди зажигают каждый для себя» — так Карл Маркс в своей докторской диссертации образно охарактеризовал религиозно-философскую ситуацию античного мира эпохи упадка. В определенном отношении эту характеристику можно отнести и к современному буржуазному обществу, в свою очередь, переживающему эпоху упадка. Традиция рационализма и атеизма, некогда столь сильная на Западе, все меньше устраивает буржуазию, теряющую под ногами почву; светильник просвещения выпал из ее рук. И наступившие сумерки озаряются чахлым светом лампад, зовущих изверившихся и заблудших, не нашедших себе жизненных идеалов.

Тысячи и тысячи людей бреют себе голову и падают ниц перед господином Кришной и его самозваными наместниками.

Они бросают отцов и матерей, школы и работу с тем, чтобы следовать за корейцем по имени Мун, который выдает себя за мессию, живет в роскошном особняке в Нью-Йорке и заставляет своих последователей побираться для него.

Они называют себя «Дети бога» и не только просят милостыню, но и торгуют собой по приказу некоего Дэвида Берга из Калифорнии, именующего себя Дэвидом Мозесом: он предрекает конец света и обещает своим последователям привести их в грядущее царство святых.

Что происходит? Что все это значит?

«Ни Маркс, ни Иисус» — так на пороге семидесятых годов французский публицист Жан-Франсуа Ревель пытался сформулировать кредо протестующей молодежи Америки. Ревель утверждал, что в Соединенных Штатах будто бы происходит — ни больше ни меньше — революция, распространяющаяся оттуда на весь западный мир, что революция эта имеет религиозную окраску и что в авангарде ее идут инакомыслящие молодые люди. Ревель не уточнил, кто же тот Некто, которому он отвел роль нового мессии, подразумевая, что на этот вопрос ответит время. «Ни Маркс,

ни Иисус» — это была, собственно, не формула веры, это была только рамка, которую еще оставалось чем-то заполнить.

Французский публицист каким-то образом «проглядел» как раз наиболее активную и сознательную в политическом отношении часть молодежи — молодых американских коммунистов. В поле зрения Ревеля фактически попало только одно крыло движения протеста — так называемая контркультура, ставившая целью найти хоть какую-нибудь, пусть даже и нелепую, альтернативу американскому образу жизни. Санкционируя некое бездумно-чувственное начало, контркультура вместе с тем открывала врата в сферу религиозно-мистических экспериментов; отвергнув официальные религии как составной элемент буржуазной идеологии, стимулировала богоискательско-богостроительские настроения. «Новая религия рождается в подполье», — оповещал Ревель, — надо только чуточку потерпеть — вот-вот явится миру Откровение, которое и поставит все точки над «и».

Время показало: эти поиски бесплодны. Уже в начале семидесятых контркультура разбилась на мелкие, разбегающиеся в разные стороны ручейки: отдельные секты, отдельные коммуны, отдельные не то коммуны, не то секты. Разочаровавшись в официальных религиях и не найдя себе никакого нового бога, молодежь обратилась ко всем старым богам и божкам, каких только можно было найти на нашей планете. Место несостоявшейся новой религии заняла фантастическая чересполосица самых разнообразных верований и суеверий.

Распространение сектантства стало одной из характерных примет истекающего десятилетия. Феномен этот связан хотя и не с одной только контркультурой, но главным образом все-таки с нею; не одна только молодежь вдруг пошла в секты, но в основном именно она (считают, что молодые люди составляют до трех четвертей новообращенных сектантов). Из Соединенных Штатов, являющихся оплотом сектантства, оно перекинулось и в Западную Европу. Стремительность, с какой секты вербовали новых сторонников, в немалой степени объясняется доброхотным посредничеством средств массовой информации. А секты, как правило, не считают зазорным «показать товар лицом» по всем правилам коммерческой рекламы.

Разумеется, секты существовали и раньше. В Соединенных Штатах, например, издавна существует множество сект, в их числе крупные (баптисты, мормоны, «ученики Христа» и др.). Есть, однако, ряд существенных отличий между старым сектантством и «новой волной». Главное из них то, что почти все старые секты были христианскими; они отпочковывались от господствующей религии и, по сути, мало в чем с нею расходились (крупнейшие из них, например, баптистов, все чаще именуют не сектами, а церквами). Новые секты в большинстве случаев исповедуют различные экзотические вероучения, преимущественно азиатского происхождения, зачастую практикуют идолопоклонство. И даже в тех случаях, когда номинально остаются на почве христианства, новые секты проявляют большое своеволие в истолковании его догм.

Итак, в выигрыше оказались главным образом старые-престарые боги «таинственного Востока»: отжившие учения и ритуалы — вот к чему пришло в конце концов новейшее богоискательство.

Что же привлекло западную молодежь в заморских культах с их порою труднопроизносимыми названиями, в сомнительных «гуру» («учителях») с их заученными наставлениями? Надежда заполнить пустоту в той области, что воистину «боится пустоты», — области духовной жизни.

Западногерманский журналист Вильгельм Битторф писал: «Мы уклонялись от необходимости давать нашим детям ответы на важные вопросы о смысле жизни и истории в смутной надежде, что в условиях благосостояния эти вопросы сами по себе отпадут. Поэтому мы пичкали молодое поколение благожелательными банальностями, но не могли утолить его тоску по идеалам. Оно могло иметь от нас все, но только не внутреннюю убежденность, кроме разве той, что глубокие убеждения приводят к плохому концу.

Этого было слишком мало. И вот в образовавшийся вакуум врываются новоявленные миссионеры, готовые утолить растущую потребность в сильной (хотя и ложной) убежденности».

А что говорить о той молодежи, которой отказано даже в простейшем «благосостоянии», которая вырастает в гетто больших городов и которую жизнь самым безжалостным образом ставит перед суровыми вопросами: не только «как жить», но и «на что жить»?

Не найдя ответа в официальной буржуазной идеологии, не зная, где и как его искать, молодежь устремилась к новым культам как к отдушине для глубоких и нерешенных социальных проблем. В секты шли, чтобы обрести «правду», а «учителя» предлагали: «Не можешь изменить мир вокруг себя — изменяй то, что можешь, — самого себя». Шли в секты и для того, чтобы ощутить тепло непринужденного человеческого общения, то, чего не могут зачастую дать ни семья, ни другие институты, отравленные бездуховными отношениями буржуазного мира. Идеология потребительского конформизма скомпрометировала себя, и вместе с тем скомпрометировала себя и старая церковь, всеми силами поддерживающая установленный порядок несправедливостей.

«Нет ничего хуже, чем пускать по жизненной стезе молодых людей, не имеющих веры в высокий смысл существования. Никакое лишение не действует столь разрушающе, как непонимание смысла жизни», — сказал американский поэт Уильям Барроу, который и сам пытался найти этот отсутствующий смысл в наркотическом дурмане сектантства.

И вот на смену попам в намозоливших глаз рясах являются попы в экзотических хитонах: перехватить неприкаянные души, не дать им выйти из тумана религиозных понятий! Восточные религии манят новизной, необычностью, обещают не только самое что ни на есть подлинное Знание, но и красочные видения, и особо острые ощущения. И вот вчерашний конфирмант[1] принимает асану (позу) лотоса и впадает в прострацию, ожидая, когда ему доведется узреть «третьим глазом свет Божественной истины», а с ним вместе ощутить блаженное «чувство вибрации в брюшной полости». Или сосредоточивается на почитании священного слова «ом», от чего в конце концов во рту должен появиться вкус нектара, а в душе — и вот это главное — чувство братства к себе подобным. Или участвует в уличных шествиях в компании таких же бритоголовых парней в желтых хитонах и девушек в пестрых сари, вооруженных бубнами и какими-то свистульками, чтобы музыкой и ритмичными телодвижениями изгнать вездесущих бесов и демонов ночи.

По содержанию учений «заморские» религии — в том ви-

на стр. 20 ▶

[1] *То есть прошедший обряд конфирмации — приобщения юношей и девушек к церкви, католической или протестантской. — Примеч. авт.*

УМЕРЕТЬ ЗА ГОСПОДИНА

Беркд ДЕРЛЕР,
западногерманский журналист

С июня 1976 года прокуратура Дюссельдорфа ведет по всей Федеративной республике следствие по делу секты «Дети бога». В бундестаге был сделан запрос по этому поводу. Заявления родителей о пропаже их сыновей и дочерей, ставших членами секты, доставляют много забот уголовной полиции.

Глава, основатель и пророк секты «Дети бога» — Дэвид Берг, зовет он себя Дэвид Мозес. Еще в 1975 году прокурор Нью-Йорка выдвинул против него обвинение в «совращении малолетних и шантаже». С тех пор Дэвид Мозес постоянно находится в бегах; в последний раз его видели на острове Тенерифе и в Португалии. Тем не менее этому бородатому американцу, объявившему себя «наместником Иисуса Христа на земле», удалось превратить свою секту в процветающее предприятие, основным источником дохода которого служат попрошайничество и торговля живым товаром. По оценкам специалистов, годовой оборот секты в Западной Германии в 1976 году превысил 10 миллионов марок, а состояние Дэвида Берга достигает 20 миллионов марок.

70 тысяч молодых людей в сорока странах, в том числе около двух тысяч в ФРГ, безоговорочно подчиняются человеку, которого они никогда не видели. Единственное, что они знают, — это его писания, так называемые «письма Мозеса». Эти трактаты представляют собой мешанину из библейских изречений, порнографии и политики.

Члены секты в ФРГ живут в так называемых «колониях». Это жилища, в каждом из которых обитает до десяти человек. Возглавляет группу «пастырь колонии». Ему члены группы подчинены полностью. «Дети бога» вскоре после вступления в секту в любую погоду отправляются на улицу просить подаяние или торговать собой. И все это во имя Иисуса и прибылей пророка.

Чтобы стать членом секты «Дети бога», необходимо немедленно бросить работу или учебу, переписать на имя секты все свои сбережения и имущество и даже ожидаемое наследство.

«Когда я теперь размышляю об этом, то прихожу к выводу, что нужно быть сумасшедшим, чтобы вступить в секту «Дети бога», — говорит Петер Хефт (21 год). Именно таким сумасшедшим когда-то был и он.

Петер более полугода жил в «колониях» в Ганновере, Билефельде и Ольденбурге. Он относится к тем немногим, кому удалось самостоятельно уйти от «Детей бога». Он вспоминает: «В то время я был в ужасном положении, разругался с родителями, не ладилось у меня на работе и с подругой. Однажды в Ганновере на улице ко мне обратилась молодая девушка. Она рассказала, что живет в колонии христианской молодежи, что там исключительно приятные люди, никто не испытывает стресса, никто не оказывает ни на кого давления. Я несколько раз сходил туда, и мне понравилось. А затем я вступил в секту».

Столь безобидно начинается всегда. Вербовщики искусно апеллируют к представлениям молодежи о высоких моральных ценностях, к их склонности к приключениям и духу бунтарства. Одновременно они предлагают высший авторитет — Иисуса, во имя которого они как революционеры должны бороться против всякого зла в этом мире. Но революционером может быть только тот, кто «отказывается от всего» и начинает абсолютно новую жизнь.

24-летняя студентка из Кёльна Инга Мамай тоже хотела начать новую жизнь. Но едва она переселилась в «колонию», как все оказалось совсем не так, как ей обещали. Инга Мамай рассказала: «В первые восемь дней мне вообще не разрешали покидать колонию. Я не имела права никуда ходить одна, даже в ванную; при мне всегда находилась девушка, которая беспрерывно внушала «Иисус любит тебя», и что я буду счастлива, если буду следовать законам секты. Я должна была постоянно читать заповеди нашего пророка Дэвида и до изнеможения учить библейские изречения. Если я при этом засыпала, девушка тут же будила меня, и я должна была читать дальше. Все делалось, как меня уверяли, исключительно во имя Иисуса. Это было настоящее промывание мозгов».

В большинстве случаев достаточно нескольких недель, чтобы превратить нового члена в безвольного человека, который делает только то,

Петер Хефт, 21 год, и Ютта Пинк, 20 лет, относятся к тем немногим, кому удалось вырваться из колонии «Детей бога». «Когда я теперь размышляю об этом, то прихожу к выводу, что нужно быть сумасшедшим, чтобы вступить в секту...» — говорит Хефт.

что приказывает главарь колонии. Ведь молодой член секты почти полностью отрезан от внешнего мира. Даже телефонные разговоры можно вести только с разрешения пастыря. Петер Хефт рассказывает: «Любой разговор записывается на магнитофонную ленту. Письма перлюстрируются. У меня не было денег даже для того, чтобы купить газету. По телевидению разрешалось смотреть только те передачи, которые включал пастырь. Вскоре я уже не знал, что происходит в мире. Правда, через некоторое время это уже и не интересует членов секты. Имеют значение лишь жизнь и труд во имя бога. Мы вставали около семи утра. Перед завтраком молились, затем пастырь сообщал, кто и куда пойдет просить милостыню. В обед мы покупали себе несколько земляных орехов или бутерброд, как раз столько, чтоб не урчало в животе. Когда мы возвращались вечером в колонию, кто-нибудь готовил еду. Пастырь всякий раз еще утром решал, кто будет варить, кто закупать продукты, а кто мыть посуду. Закупающий должен был идти в продовольственный магазин и выпрашивать там колбасу или хлеб. Если это не удавалось, он получал от пастыря несколько марок на еду для всех. Еды никогда не хватало, чтобы наесться.» Но мне это не мешало. Для меня существовало лишь одно: наша группа и Иисус, Иисус, Иисус».

Каждый член секты должен выполнить ежедневную норму сбора подаяний — 50 марок. Пастырь собирает эти деньги и сразу же пересылает их по инстанции. В итоге они поступают на счет в цюрихском банке «Швайцерише кредитанштальт» или женевском «Швайцеришер банкферайн».

«Дети бога» разработали целую систему, чтобы скрываться, например, от отчаявшихся родителей, которые хотят вырвать (иной раз с помощью силы) своих детей из колонии. Члены секты при вступлении получают библейские имена. Только пастырь знает их мирские имена. В соответствии с продуманной системой перемещений «Дети бога» переводятся не реже, чем раз в четыре месяца, в другую колонию: из Ольденбурга в Бремен, а возможно, в Стамбул или Лондон. С помощью собственного компьютера, находящегося в Париже, главари секты в любое время могут узнать, где находится в данный момент тот или иной ее член.

Поэтому неудивительно, что следствие, начатое дюссельдорфской прокуратурой, не дало до сих пор каких-либо результатов. Прокурор Норберт Блаши заявил: «Все дело в том, что секту почти нельзя привлечь к уголовной ответственности, «Дети бога»—официально разрешенная организация. Все ее члены совершеннолетние, которые могут распоряжаться своими деньгами как хотят».

6 декабря 1977 года в двадцати одной колонии в ФРГ были одновременно произведены обыски. Чиновники уголовной полиции конфисковали документы о финансовой деятельности секты. Однако они составлены настолько запутанно, что финансовым ревизорам и экономистам трудно разобраться в них.

Активизация органов юстиции, широкие выступления в печати и изданный властями запрет на сбор пожертвований в пользу «Детей бога» на всей территории ФРГ привели к тому, что Дэвид Мозес коренным образом изменил структуру секты в этой стране. Он ликвидировал прибыльное и не облагаемое налогами попрошайничество, форсировав вместо того другое свое предприятие, не менее прибыльное, но до тех пор скорее побочное, — торговлю женщинами. Дэвид Мозес присвоил им почетный титул «божьи рабыни любви». В одном из «писем» он настоятельно напоминает своим «рабыням»: «Не делайте ничего бесплатно, ибо счета должны быть оплачены».

Главным образом те счета, по которым оплачиваются расходы самого главы секты. Корреспонденты журнала «Штерн» дважды нападали на след Дэвида Мозеса, который после побега из США в 1975 году живет в роскошном «подполье». В первый раз его видели на острове Тенерифе, где Дэвид Мозес занимал со своими приближенными 14 домов и квартир. Он каждый вечер появлялся с большой компанией в шикарном баре «Лос капричос» в Пуэрто-де-ла-Крус. Его спутницы были всегда доступны любому туристу с деньгами. Об этом узнала местная полиция. Когда она пригласила гостя из США на допрос, он бежал с острова.

Затем Дэвид Мозес поселился на португальском фешенебельном курорте Эсторил, близ Лиссабона. Он жил в роскошной вилле с собственным театральным залом. Когда фотограф журнала «Штерн» сфотографировал веселую компанию Дэвида Мозеса в казино Эсторила, глава секты через два часа исчез, даже не заходя в свой дом.

Но для членов секты он «отшельник, который живет скромно и много молится» (так говорится в одном из его «писем»). «Дети бога» верят этому, как и всему, что он им пишет. Но ведь если послушание пророку доходит до того, что ради Иисуса они способны промышлять на панели, то кто гарантирует, что «Дети бога» не могут также взять в руки оружие и стрелять?

А намеки на это есть: в одном из «писем» Дэвид Мозес сообщает: «Он (Мозес) наш командующий. Мы (члены секты) просто всегда подчиняемся. Неважно, что из этого получится, даже если тебя убьют». В другом «письме» Мозеса говорится: «Мы — острие копья, авангард последней духовной революции... Это требует стопроцентной преданности не на жизнь, а на смерть».

«ОТЕЦ НЕБЕСНЫЙ! БЛАГОДАРИМ ТЕБЯ ЗА ТО, ЧТО ТЫ ДАЛ НАМ ТЕЛЕВИДЕНИЕ...»

Мэри МЕРФИ,
американская журналистка

Джерри Фолвелу сорок пять лет. У него строгое лицо, прямая фигура и напомаженные волосы. На стене кабинета — огромная фотография его семьи и карта Соединенных Штатов, сплошь утыканная красно-желтыми флажками: Фолвел отмечает города, которые он прибрал к рукам во имя Иисуса Христа. Фолвел глядит на меня совершенно бесстрастно. Ноги слегка расставлены, руки крепко сжимают подлокотники кресла с высокой спинкой. Он напоминает мне статую Авраама Линкольна в Вашингтоне. Фолвел говорит в микрофон: «Бог хочет, чтобы христиане обратили мир в свою веру».

На следующий день я снова увидела Джерри Фолвела. Он стоял перед тремя с половиной тысячами прихожан в баптистской церкви на Томас-роуд. Его жена Мейсел сидела за фортепьяно и играла «Я просто люблю любить господа». Телекамеры включены. В ярком свете юпитеров глаза Фолвела сверкали.

«Они уменьшили налоги на доход с недвижимого имущества, а это означает, что мы закроем двери для хитрецов, паразитирующих на теле общества, — обращается он к миллионам телезрителей. — Хватит раздавать деньги налогоплательщиков безработным бездельникам. Мы по горло сыты радикалами, эмансипацией, отходом от основ».

Он произносит эти пламенные слова спокойно: Джерри Фолвелу претит напыщенность. В добротном костюме-тройке, на фоне хористов, похожих на кукол, брат Джерри проповедует религию и распространяет правые политические взгляды. Он дает среднему американцу то, что ему нужно, — простые ответы. Нет, он не пугает геенной огненной: лишние эмоции ни к чему. Но, как истинный шоумен, Джерри Фолвел обладает совершенным чувством ритма. И когда все идет по сценарию, он счастлив.

«Я говорю вам: вы способны остановить моральное скольжение по наклонной плоскости, если откроете сердца Христу... Кто из вас может сказать, закрыв глаза и склонив голову: «Брат Джерри, я спасен»? Поднимите руки... Благослови вас бог... Кого из вас еще не очистила кровь Спасителя? Поднимите руки... Благослови вас бог... Я хочу, чтобы все, кто поднял руку, вышел вперед. Не бойтесь! Выходите! Придите! Какими бы неразрешимыми ни казались ваши проблемы. Придите! Славьте Иисуса!» Он произносит заклинания, правоверные пробираются вперед. Повторение производит гипнотический эффект. Орган звучит все громче.

Ежедневно его выступления передают 275 радио- и 310 телевизионных станций. Уже сегодня его голос проникает почти в три миллиона домов. Скоро его «телепаства» умножится, поскольку передача Фолвела под названием «Час истинного, старого Евангелия» будет идти в самое дорогое, вечернее время. К 1983 году он надеется встать в один ряд с самыми влиятельными продюсерами и владельцами программ коммерческого телевидения. В свою будущую программу Фолвел собирается включить эстрадные представления, комедии, духовные консультации, библейские чтения и полуторачасовую семейную беседу, и все это — пять вечеров в неделю.

Осуществление этого плана, как он надеется, позволит ему сделать радиоволны покорными воле божьей. В своем родном городе Линчбурге в штате Виргиния на 3200 акрах горного склона, покрытого сочной зеленью, Фолвел строит свою империю: радио- и телестудию, которые обойдутся в четыре миллиона долларов. Здесь в Свободном колледже, основанном Фолвелом, 2250 студентов изучают библию.

«Наша основная задача — формирование христианского харак-

Вот он — Джерри Фолвел, герой толпы, неутомимый пастырь христианского стада. Неукротимый, непобедимый, вездесущий и благополучный и т. д. — вполне в американском духе.

тера, — сказал мне Фолвел во время интервью. — Воспитание начинается в детском саду, потом продолжается в школе и колледже. Мы убедились, что воспитанные таким образом дети не бунтуют». Студенты колледжа овладевают также сложной техникой радиовещания. Потом, подобно первым апостолам, они пойдут по свету проповедовать слово божье.

Евангелическая церковь сознавала силу средств массовой информации задолго до того, как Джерри Фолвел стал радиопророком. Ведь именно благодаря радио Джерри Фолвел открыл для себя Иисуса Христа. Каждое воскресенье молодого Джерри насильно потчевали «Часом старого доброго возрождения». «Мать знала, что я слишком ленив, чтобы встать и выключить радио», — рассказывал Фолвел. Вот так он и слушал долгие годы, пока не ощутил в душе «такой религиозный голод», что в восемнадцать лет впервые в жизни решил пойти в церковь. Холодным январским вечером 1952 года Фолвел поставил свой голубой «плимут-седан» на стоянке баптистской церкви на Парк-авеню. С ним приехал его лучший друг и собутыльник Джим Мун. В тот день была проповедь об аде и втором пришествии Христа. Фолвел и Мун сидели в первом ряду. Фолвела тронула манера проповедника. А еще ему очень понравилась пианистка в черном платье с белым кружевным воротничком. Ее звали Мейсел Пэйт.

Получасом позже Джерри приобщился к вере. Через шесть лет он женился на Мейсел Пэйт и попросил ее играть в его собственной церкви. Но, став верующим, он не забыл о силе средств массовой информации. «Если бы не радио, — говорит он, — я не был бы сейчас христианином». А не стань Фолвел христианином, он, конечно, не стал бы телезнаменитостью и преуспевающим бизнесменом.

Фолвел окончил духовный колледж и вернулся в родной Линчбург. Через неделю к нему пришли тридцать пять мирян, которые хотели открыть новую церковь в западной части города. Их капиталы составляли 1000 долларов. Фолвел нашел на Томас-роуд однокомнатный дом и назвал новую церковь Томас-роуд-бэптист-чёрч.

В тот первый нелегкий год Фолвел был неукротим. Он все делал сам: подметал, пилил, строгал, проповедовал, доставал деньги. Он уговорил владельца здания оказать общине материальную поддержку. Это была его первая попытка раздобыть средства. «И до сих пор никто не умеет это делать лучше, чем он», — говорит Мун. Затем Фолвел купил карту города, воткнул булавку в район Томас-роуд и разбил весь город на примыкающие к нему зоны. Фолвел завел папку с адресами всех жителей города и повел стремительное евангелическое наступление на дома ближних. Тогда же он начал выступать по радио с получасовой программой. Через год конгрегация Томас-роуд-бэптист-чёрч насчитывала 864 постоянных члена, а Джерри Фолвел стал самым популярным проповедником Линчбурга.

Учитывая, что большинство основных церквей — католическая, протестантская и методистская — получают от своих общин от 20 до 30 миллионов долларов в год, доходы Фолвела поначалу были несколько ниже его ожиданий. Но к 1975 году он получал уже миллион в месяц. В прошлом году сумма всех поступлений составила 32,5 миллиона. В конторе Фолвела я видела, как новоиспеченные христиа-

не с быстротой рабочих на конвейере распечатывали конверты с пожертвованиями. Попадались самые разные чеки, от 450 до 14 долларов. В тот день набежало 339 тысяч. За неделю — 1 миллион 200 тысяч.

В США 40 процентов населения регулярно посещают церковь, больше, чем в других развитых индустриальных странах. Бог и религия занимают постоянное место в заголовках газет. Профессор истории Вильям Маклуглин говорит: «Совершенно очевидно, что мы живем во времена религиозного пробуждения, когда целый народ пытается переосмыслить свои надежды, верования и ценности, чтобы справиться с бесчисленными проблемами, которые его преследуют. Сейчас, — продолжает Маклуглин, — наступил кризис культурного, нравственного авторитета: мы теряем веру в себя, сомневаемся в наших действиях и наших лидерах».

Но в наши дни религия все больше сливается с политикой и бизнесом. Так, индустрия, выпускающая в США и Канаде сопутствующие религиозные товары — майки, наклейки на автомобили, пластинки и журналы, оценивается в два миллиарда долларов. Открыто более 5 тысяч «евангелических» книжных магазинов, и это число постоянно растет. На религиозные передачи по каналам коммерческого телевидения и радиовещания в прошлом году истрачено 500 миллионов долларов — в пять раз больше, чем в 1972 году. Приверженцы евангелических церквей утверждают, что в среднем их радиопередачи слушают 115 миллионов человек в неделю, а еще 15 миллионов смотрят их по телевидению. Двадцать пять теле- и 1200 радиостанций полностью заняты передачей религиозных программ. И их число растет с каждым месяцем. Из сотен местных и общенациональных радиопроповедников выделяется доминирующая группа, которая, по сообщениям, получает доход более чем 250 миллионов долларов. «Каждый из этих проповедников являет собой удачную смесь земного и «вечного» преуспеяния. Но сейчас, — пишет «Уолл-стрит джорнал», — нет никого удачливее Джерри Фолвела». Телеевангелисты все больше и больше привлекают внимание молодежи. Это и помогает Фолвелу развернуться. Ведь молодые люди скорее станут слушать «свежего человека» Фолвела, чем, скажем, признанную суперзвезду телеевангелизма Билли Грэхема, который слишком ассоциируется с Ричардом Никсоном (проповедник сей поддерживал его политику).

«С тех пор, как я его знаю, в Джерри всегда жил жесткий дух конкуренции, — сказал Джим Мун, священник Томас-роуд-бэптист-чёрч, помощник Фолвела. — Он всегда выигрывал, за что бы ни брался. Поднимался наверх, как сливки». Мун немного помедлил, а потом добавил с уважением, граничащим с благоговением: «Для него нет непреодолимых препятствий».

В 1971 году, пытаясь найти средства для баптистского колледжа и для развертывания в общенациональном масштабе радио- и телепрограмм, Томас-роуд-бэптист-чёрч продала своим покровителям и членам общины облигации на сумму 6 миллионов 600 тысяч долларов. Через полтора года комиссия по надзору за финансовыми операциями выдвинула против церкви обвинение в мошенничестве и неплатежеспособности.

Фолвел публично выразил свое негодование. Подобная шумиха, по его словам, могла «пагубно отразиться на авторитете церкви», поставить под угрозу новые денежные поступления, а значит, и «нашу способность рассчитаться с долгами и выполнить взятые обязательства».

Хотя и не удалось уличить Джерри Фолвела в мошенничестве, ко ходят слухи, что его долги были выплачены членами общины, которым для этого пришлось заложить свои дома. «С юридической точки зрения, тут все гладко, — сказал один из жителей Линчбурга, — а вот с моральной, по-моему, не очень...»

Обычное воскресное утро. Стоянка у Томас-роуд-бэптист-чёрч забита туристскими автобусами, фургонами: сегодня утром здесь будут снимать фолвеловскую программу «Час истинного, старого евангелия». Пока правоверные покупают в киоске библии, Джерри Фолвелу в парикмахерской моют голову, делают укладку и спрыскивают одеколоном. В десять тридцать, за полчаса до выхода в эфир, он стоит у амвона и призывает верующих делать пожертвования.

Ему нужны деньги. «Для каждого, кто застрахует одного из наших студентов на 100 долларов, у нас в фойе есть бесплатные библии». Деньги на летний лагерь «Трежер айленд»... «Библейский клуб»... транспорт... средства массовой информации, которые съедают добрых 13 миллионов годового дохода церкви... образование... миссионерский хор, путешествующий по Австралии, Южной Корее и Японии. «Пока вы заполняете бланки пожертвований, — говорит Фолвел, — не забудьте о моей просьбе: в каждой молитве просите господа, чтобы он даровал нам 4 миллиона долларов на строительный фонд...»

Зажглись юпитеры: до выхода в эфир осталось шестьдесят секунд. У пульта режиссера все пришло в движение. «Такое дело, ребята, — говорит режиссер. — Первая камера меня не слышит, четвертая все время уходит в сторону. Пока есть время, давайте помолимся». Он преклоняет голову. «Отец небесный, благодарим тебя за то, что ты дал нам телевидение. Пусть вся аппаратура работает нормально, чтобы мы могли отснять программу, достойную сына твоего Иисуса Христа... Включаю запись!»

С кафедры Фолвел обрушивается на современные нравы. В их падении далеко не последнюю роль, по его мнению, играют радикальные политические партии и молодежные выступления шестидесятых годов[1]. Джерри Фолвел призывает вернуться к эре маккартизма и зарегистрировать всех коммунистов. Он идет даже дальше, предлагая «написать это у них на лбу». В таком же духе он отзывается и о любой попытке американского правительства нормализовать отношения с Кубой.

В конце службы я спросила Фолвела, где он видит грань между политикой и моралью.

«Я занимаюсь только духовными вопросами, — сказал он. — Я не касаюсь политики».

Тогда я спросила Фолвела, что он понимает под словом «политика».

«Панамский канал — это политика, поправка к конституции о равных правах — вопрос морали».

Считает ли он, что оказывает политическое влияние на своих последователей?

«Да, — прямо отвечает Фолвел. — Но моя конечная цель — духовная. Коммунисты — безбожники, следовательно, они виновны в упадке морали».

На следующий день я пошла в католическую церковь в Линчбурге спросить людей, что они думают о доморощенном пророке.

«Теперь здесь никого не оставляют в покое, — сказал мне один из давних жителей Линчбурга. — И все из-за Джерри Фолвела. Он посылает своих студентов ходить по домам, спасать наши души. А когда мы их прогоняем, они начинают охотиться за детьми. Малыши приходят домой в слезах, плачут всю ночь. Боятся, что попадут в ад, если не вступят в его церковь. Его самоутверждение явно зашло слишком далеко. И я хотел бы знать: может ли кто-нибудь остановить Фолвела?»

Нет. Даже, как мне кажется, если бог завтра стукнет его по плечу.

Перевел с английского А. ХВОСТОВ

---

[1] *Шестидесятые годы были отмечены наиболее острыми выступлениями молодежи против американской агрессии во Вьетнаме, против лицемерия буржуазного общества в целом. — Примеч. ред.*

На фотографии не герои нашего рассказа. Это другие Мэри и Мэтью или другие Джанет и Шон. Но ситуация та же: расколотая страна, разбитые судьбы...

Мэри Бойл и Мэтью Фергюсон заметили друг друга два года назад на соревнованиях по теннису среди служащих фирмы. Потом все время сталкивались то на теннисном корте, то в кафетерии. Однажды, когда уже наступили холода, Мэтью предложил научить ее играть в бридж. Но в первый же вечер вместо назначенного урока они неожиданно для самих себя пошли в кино.

Это была их первая встреча за пределами фирмы. Мэтью заплатил за билеты и взял девушку под руку.

Потом в кафе на Экспресс-авеню, неподалеку от университета, в районе, который до недавних пор считался более или менее спокойным, они говорили о том, о чем всегда говорят влюбленные в свой первый вечер: «Где ты родился? Где живешь? Сколько у тебя братьев и сколько сестер?» И в этих извечных вопросах первого свидания сквозила тревога Ольстера.

Мэтью — уже по имени и внешности — понял, что Мэри католичка, а она, по тем же признакам, поняла, что он протестант. И когда рука Мэтью робко дотронулась до ее руки, Мэри подумала: «Отец убьет меня, когда узнает».

Ни Мэтью, ни Мэри ничего не рассказали родителям о своих встречах. (Имена наших героев, естественно, изменены.) Из семи детей в семье Мэри была старшей. Она родилась и воспитывалась в почти полностью католическом районе западного Белфаста, но с 1970 года она и ее семья жили на побережье в Бангоре, в двенадцати милях от Белфаста, — там было все же спокойнее, чем в городе.

Отец Мэри служил в страховой компании. Мать, женщина сорока с лишним лет, посвятила себя детям. Мэри ходила в начальную католическую школу, потом в среднюю

школу при монастыре и раз в неделю бывала на исповеди.

Восемнадцати лет, окончив годичные курсы секретарей, она поступила в фирму, где работает и сейчас, разбирая корреспонденцию по экспортным поставкам. Это привлекательная сероглазая девушка с дерзким лицом и коротко остриженными светлыми волосами. До встречи с Мэтью семья была для нее всем.

Родители Мэтью погибли в автомобильной катастрофе, когда ему было десять лет. С тех пор он со своими младшими сестрами Фионой и Лесли жил у дяди в небольшом домике на Ньютаунардз-роуд в рабочем квартале, заселенном убежденными протестантами. Он учился в обычной государственной школе. Юридически эти школы открыты для всех детей, но фактически там учатся почти исключительно протестанты. Когда Мэтью решил пойти работать, он был принят в расчетный отдел фирмы. Это крепко сбитый парень с волнистыми светло-каштановыми волосами. По воскресеньям он ходит в церковь: утром — с дядей и теткой, вечером — с дедом и бабкой. Его дядя и дед работают в небольшом магазинчике скобяных товаров. Двадцать лет назад одна из теток Мэтью вышла замуж за католика, и хотя, по слухам, ей повезло в браке, родственные узы с ней почти распались. Дед Мэтью не разговаривал с ней все эти годы.

Именно из-за деда Мэтью не решился рассказать дома о своей новой знакомой. Однако родители Мэри вскоре заинтересовались, с кем проводит вечера их дочь. Мэри назвала его имя, но не фамилию, и просто не отвечала на все прочие вопросы. Легко понять озабоченность родителей в Северной Ирландии, когда их сын или дочь находят себе друга. Помимо обычных родительских опасений, их тревожит и другое: большинство баров и кафе четко разграничены на протестантские и католические и потому представляют большой соблазн для террористов, а прогулка по некоторым вечерним улицам города всегда может кончиться печально. Центр города — это сплошные переплетения колючей проволоки, пропускные пункты и полицейские патрули. Если едешь через центр, будь готов к тому, что тебя со всех сторон будут охлопывать, шарить в сумке и в багажнике. Ночью в центре города — ни души: несколько бродячих собак, никаких пешеходов и множество пустых машин у обочин. Неверный поворот, и ты оказываешься в безлюдном царстве изуродованных улиц, взорванных домов, армейских баррикад.

Мэтью и Мэри понимали, что им нужно остерегаться, и поэтому старались встречаться на нейтральной территории, что не так-то просто: за пределами фирмы Мэтью и Мэри некуда было деваться. Правда, некоторые места, где любит собираться молодежь, на один вечер — по негласному соглашению — отдаются протестантам, на другой — католикам. Но и это не всегда гарантирует безопасность.

Через месяц Мэтью заехал за Мэри в Бангор, чтобы вместе отправиться на ежегодный бал для сотрудников фирмы. Мэри еще не была готова, и его провели в гостиную. Сидя на кушетке, Мэтью ощущал на себе испытующие взгляды. Мать Мэри вежливо расспрашивала его о бале. К счастью, вскоре вышла сама Мэри, и Мэтью был спасен. Некоторое время после встречи родители Мэри избегали затрагивать эту тему. Наверное, они надеялись, что все разрешится само собой. Но вдруг все изменилось.

В один февральский день, в субботу, когда по случаю праздника святого Валентина благотворительное общество, членом которого состоял Мэтью, устраивало вечер, отец Мэри позвал дочь в гостиную. Мать была уже там. Он сказал:

— Мэри, нам пора узнать, что это за человек. Где он живет?

У Мэри захватило дух. На этот раз уже нельзя было увильнуть от ответа. И она сказала, зная, что за этим последует:

— Он живет на Ньютаунардз-роуд.

Долго не утихал скандал: Ньютаунардз-роуд — район, заселенный самыми фанатичными протестантами. Отец твердил, что Мэри ради дружбы с Мэтью подвергает их всех опасности, что из-за нее он может поплатиться работой, что в любой момент с каждым из них могут покончить пулей или бомбой. Неужели она их ни в грош не ставит? Неужели ей все равно, что с ними станет? Она должна пообещать, что никогда больше не встретится с Мэтью. Мэри сказала, что ничего обещать не станет, что будет видеться с Мэтью по-прежнему.

Мэри чувствовала, как иссякают ее силы. И она понимала родителей. Католиков всегда притесняли, считали людьми второго сорта, и они не верили в благие намерения протестантского большинства. А Мэтью был для семьи Мэри выражением всего того, что их страшило.

В тот вечер после танцев Мэтью спросил:

— Ты такая тихая сегодня. Что-нибудь случилось?

Мэри рассказала ему все.

— А сама ты тоже хочешь, чтобы мы расстались?

— Нет, — ответила она, — но так должно быть. — И добавила сквозь слезы: — Они места себе не находят. И я обещала.

Весь следующий месяц Мэри и Мэтью старались быть «просто друзьями». Но каждый день видеть друг друга на службе, сталкиваться в коридорах, разговаривать по телефону (ей нужна была информация от его отдела) — все это было нестерпимым. Они снова начали встречаться, стараясь уверить друг друга, что все это несерьезно. Но из этого ничего не вышло. Первый раз в жизни Мэри лгала родителям, говорила, что веселится с подругами, а на самом деле встречалась с Мэтью.

На пасху им удалось поехать на один день в Дублин. Мэри сказала своим, что уезжает на пикник с подругами по работе. Они отлично провели день, долго сидели на скамейке в Феникс-парке и были счастливы. Оба не вспоминали ни о вере, ни о семьях. Они решили, что поженятся, но никому об этом не скажут, пока родители Мэри не успокоятся окончательно, и тогда, выбрав нужный момент, они и откроются. Минуют беды, и судьба улыбнется им.

А дома ее ждали родители и две тетки, которые в этот день приехали погостить из Портдауна. Мать Мэри билась в истерике. Оказалось, что тетки видели Мэри и Мэтью на вокзале. Несколько часов мать рыдала, а потом сказала, что уйдет из дому, ибо все это выше ее сил. Отец кричал, что его дочь бессердечная, себялюбивая, лживая дрянь, что она убивает своими поступками мать.

А Мэри вспоминала, как Мэтью заказывал чай и пирожные днем, как упал его плащ, как она подняла его и положила рядом со своим. Сейчас Мэтью, наверное, спит... А родители все говорили и говорили — о ее предательстве, о парне с Ньютаунардз-роуд, о приходском священнике, которого завтра утром нужно позвать. Мэри не выдержала и объявила, что выходит замуж за Мэтью.

В Ольстере с незапамятных времен поют одну песню, она называется «Старая оранжистская[1] флейта». И эта песня, как и многие другие, традиционные для Северной Ирлан-

[1] *«Оранжистский орден» — тайное общество, созданное при поддержке английской колониальной администрации в 1795 году. Формально оно было нацелено на упрочение протестантской веры в борьбе против католицизма. На самом же деле английское правительство видело в ордене орудие, с помощью которого можно было предотвратить образование единого фронта ирландцев в*

дии, помогают нам лучше понять историю Мэри и Мэтью. В ней рассказывается о молодом ткаче Бобе Вильямсоне, «верном протестанте», который играл на флейте. Но, оказывается, Боб Вильямсон был не таким уж и верным. Он влюбляется в «католичку по имени Брижжит Макуджин» и сам становится католиком. Местный люд так сильно огорчается этим вероломством, что флейтисту вместе с подругой и флейтой приходится уносить ноги. Но старая оранжистская флейта стойко продолжает высвистывать весь протестантский репертуар: «Папу Римского — пинком», и т. д. И когда католические священники приговаривают ее за ересь к сожжению, флейта и в огне поет.

Сквозь пламя, и дым, и искры
Вдруг раздался звук удалой —
Это старая флейта высвистывала:
«Протестанты, за веру — в бой!»

Старые накопившиеся противоречия сейчас сохраняются и усиливаются намеренно. На этих чувствах спекулируют и политики и церковники. И на людей навешиваются ярлыки: «католик» и «протестант».

Вряд ли народ Северной Ирландии более религиозен, чем любой другой народ. Известно, однако, что в церковь ирландцы ходят чаще, чем в большинстве стран Западной Европы. В Белфасте больше церквей, чем в других схожих по величине городах: готические шпили по-прежнему главная черта городского ландшафта.

Католики и протестанты разобщены с самого детства, и большая доля вины в этом приходится на систему образования, разделенную по религиозному признаку. Попытка создать смешанную католико-протестантскую школу была сорвана католическим епископом, который запретил давать духовные наставления тем детям, которые хотели учиться в этой школе. Разумеется, разделение это находит поддержку и среди многих протестантских священников и учителей.

Детей натравливают друг на друга. Ничего удивительного, что в детской среде бытуют клички, это есть во всех странах. Но здесь они специфичны: еще детьми католики и протестанты знают, как обозвать противника пообидней, что очень часто кончается потасовкой. Дети взрослеют, и поскольку ни та, ни другая стороны почти ничего не знают друг о друге, обе стороны имеют друг о друге самое превратное представление. Протестанты, например, знают, что у всех католиков по дюжине детей и живут они в нищете. Для католиков протестанты — это толпа перепившихся болельщиков на футбольном матче.

Религиозные общины разделены и территориально. Каждый живет в своем районе. В Белфасте можно с точностью Генри Хиггинса[1] определить по выговору место жительства и, таким образом, точно решить, кто перед тобой — католик или протестант. И те и другие умеют отличать друг друга по именам и фамилиям, по едва уловимым чертам внешности.

Смешанные же семьи не могут поселиться ни в протестантском, ни в католическом районе: своим существованием они бросают вызов фанатикам обоих лагерей. Одной такой семье из-за постоянных угроз пришлось четыре раза менять квартиру, в конце концов, не выдержав постоянной травли, они уехали из Ольстера. В другую супружескую пару швырнули бутылкой с горючей смесью. Они переехали в другой район, но на следующий день их обстреляли из автомата.

Смешанные семьи превращают свой дом в крепость, отгораживаясь от мира высоким забором и колючей проволокой, что лишний раз свидетельствует об их беззащитности и отчаянии. Если постучат ночью в дверь — лучше не открывать, если зазвонит телефон — лучше не брать трубку, не слышать слов: «Мы знаем о тебе все, знаем, где работает жена, где учатся дети, когда-нибудь мы до вас доберемся». Никто не знает точно, сколько католико-протестантских семей пало жертвой фанатизма, но случаи с трагическим исходом нередки. Методы расправы напоминают зачастую судилища древних галлов над изменниками племени. 20-летняя протестантка вышла замуж за рабочего-католика. Через 12 часов после свадьбы она овдовела. Мужа выволокли из квартиры, потом тело его было найдено в придорожной канаве. Экспертиза установила, что его долго пытали и прикончили пистолетным выстрелом в затылок.

Мэтью серьезно смотрит на религию, но он не фанатик. Он готов уступить некоторые свои права Мэри — нежной, женственной Мэри (извечные качества ирландок); что же касается Мэри, она не считает себя жертвой протестантского засилья — оба смотрят на проблему как бы со стороны, хотя она их непосредственно касается. И Мэтью в беспомощности разводит руками: «Мы ни в чем не виноваты. Это уже политика, и нам не хотелось бы с ней связываться».

Однако от «политики» никуда не денешься, и Мэтью чувствует, что насилие, порожденное ею, всепроникающе и вездесуще; оно разит со слепой жестокостью.

На курсах братьев милосердия Мэтью узнал, как тонка и непрочна ниточка человеческой жизни, как легко ее оборвать. В прозекторской он видел трупы людей, пронумерованные и зашитые в полиэтиленовые пакеты.

Как все, он задает себе один и тот же вопрос: когда это кончится, если кончится вообще? По крайней мере, у них все по-прежнему. По-прежнему родители терзают Мэри, по-прежнему Мэтью не может переступить порог ее дома.

Что касается женитьбы, то теперь Мэтью говорит: «Ты не замечаешь, что мы с тобой попросту тянем время?» Порой им кажется, что жениться нужно за границей, и не только жениться, но и остаться там, поработать в какой-нибудь развивающейся стране, скопить денег, возвратиться домой солидными людьми. Может быть, к тому времени попритихнет беспокойный Белфаст и водворится порядок?

Но Мэтью не решается уехать из Ирландии, более того, он уверен, что в другой стране они едва ли найдут счастье. «Мы не станем повторять ошибки родителей, — сердито говорит Мэри, — у нас есть свое будущее».

Они выглядят старше своих лет, и подчас кажется, что Мэтью и Мэри будут вечно ухаживать друг за другом, встречаться в парках и жить порознь — в плену, вырваться из которого они не в силах.

борьбе за независимость. Существует «Оранжистский орден» и по сей день, и его деятельность особенно усилилась после августа 1969 года, когда в Белфаст и Дерри были введены английские войска, чтобы подпереть штыками основы колониальных порядков. «Оранжистский орден» стал центром мобилизации сил протестантских экстремистов. — Примеч. ред.

[1] *Герой пьесы Б. Шоу «Пигмалион», ученый-фонетист, умевший по произношению узнавать происхождение, национальность и место жительства собеседника. — Примеч. ред.*

Перевел с английского
В. ТУЗ

со стр. 11 ▼

де, в каком они прижились на Западе, — можно разделить на две категории. Одни из них эскапистские, уводящие из реального мира «в никуда». Другие следует определить как более или менее конформистские, например, сайентология. Конформистские секты нисколько не отвергают мир буржуазных отношений, напротив, они его санкционируют как бы от имени иных (менее известных и потому менее скомпрометированных) небесных инстанций. Они создают видимость, будто обладают какими-то жизнеспособными духовными ценностями, как бы восполняющими наличный буржуазный прагматизм. Более того, сайентология, например, прямо ставит своей целью способствовать «успеху в делах», представляя его как альтруистический и угодный богу. Отдельные «гуру» даруют своим последователям чисто практические секреты преуспевания.

«Тот, кто подает советы пятнадцатилетнему «гуру» хорошо знает Америку. Махарадж явился не столько затем, чтобы сделать нас богаче духовно, сколько затем, чтобы сделать нас просто богаче» — эти слова, сказанные американской журналисткой Ф. Дюплесси-Грей о Махарадже Джи, могут быть отнесены ко всем культам конформистского толка с той поправкой, что, как и Махарадж, все эти культы если и помогают стать богаче, то только тем, кто уже богат.

Как в конформистских, так и особенно в эскапистских сектах есть момент, объединяющий их с религиозными исканиями начала XX века (характерными для интеллигентской элиты той поры), о которых один русский историк писал тогда, что они «сбиваются на какую-то игру в религию, на ребяческие упражнения на религиозные темы, — и есть в них что-то и схоластическое, и дилетантское, и фантастическое». Вот этот момент ребячества, игры теперь особенно бросается в глаза. Религиозные увлечения зачастую оказываются столь же поверхностны, сколь серьезна глубинная «потребность в священном». Данное обстоятельство объясняет, в частности, необычайно большую текучесть в сектах. Многие молодые люди переходят из секты в секту, играя попеременно то в одну религию, то в другую, то в третью. В этом еще одно отличие нового сектантства от старого: раньше от своих религиозных убеждений не отказывались с такой легкостью. «Если уж он (американец) принял какую-либо веру, — иронизировал Марк Твен, — то должен ее придерживаться, как придерживается своей бутылки рому и своего торгового дела». Иные из этих «богоискателей» перепробовали до дюжины различных сект. Нередко флюгером, по которому ориентируется молодежь, служат ее кумиры — популярные эстрадные певцы, киноактеры и т. д., если кто-то из них приобщается к той или иной секте, его примеру следуют, хотя бы на короткое время, многие его почитатели.

Но ведь вот что следует еще раз подчеркнуть: «ребячеством» эти уходы в секту кажутся лишь стороннему взгляду — для тех же, кто блуждает в поисках веры и истины (пусть ложных), поиск этот вполне серьезен, и презирать их за подобные «игры» вряд ли стоит. Дело вполне серьезно, если иметь в виду значение слова «дело» как бизнес, и для тех, кто греет руки на этих поисках. А пастыри сект отнюдь не чужды суетных помыслов: каждая сколько-нибудь крупная секта — бизнес, источник дохода (пожертвования плюс торговля литературой, пластинками, предметами культа и т. д.). Спрос на новых богов — раздолье для мошенников. Всякий, кто преуспел в роли «святого» или «пророка», вербует себе доверчивые души — пластилин, из которого можно лепить все, что угодно. Иные пастыри в таких случаях прибегают к самым беззастенчивым формам эксплуатации. Бывает и так, что глава секты толкает своих учеников на преступление, на убийство, из «ритуальных» или каких других соображений (наибольшую известность в этом отношении получила калифорнийская секта сатанистов Чарльза Мэнсона, совершившая ряд особо гнусных убийств). Такие изуверские секты редкость, но без них общая картина сектантства оставалась бы неполной.

Во всем этом есть еще третий и весьма важный момент: и систему устраивает подобное «ребячество», ибо оно отвлекает молодежь от чего-то истинно серьезного, но опасного для системы.

В целом панорама сектантского движения чрезвычайно пестра. Наряду с крупными сектами существует множество мелких экзотических сект, некоторые из них насчитывают по всему миру несколько тысяч или даже всего несколько сот членов. В Западной Европе, например, воскрешены некоторые из древних языческих культов, вроде друидизма, со всеми их атрибутами: деревянными идолами, жертвоприношениями и ритуальными плясками. Есть секты колдунов, почитателей черной магии. Во Франции и некоторых других странах снова появились тамплиеры — да, да, те самые тамплиеры, или храмовники (кому незнаком с детских лет мрачноватый сэр Бриан де Буагильбер из «Айвенго»!), которых церковь некогда обрекала на сожжение будто бы за колдовство. Странную мешанину из древних религий и научной фантастики придумали себе «тарелочники», связывающие религиозное «обновление» с «летающими тарелками». Некоторые секты лелеют совершенно несусветный бред. «Неоалхимики» мечтают о том, чтобы перевести человечество из разряда прямоходящих в разряд бабочек. «Баалисты» слезно взывают ко всем имеющим уши, что необходимо-де, не мешкая, оказать помощь где-то будто бы погибающей планете Баал. И тому подобное.

Все это скорее уже курьезы, но, опять-таки для полноты картины, не лишне было сказать о них здесь два слова.

Судя по сообщениям западной печати, в последнее время наблюдается некоторый отток верующих из сект экзотического типа. Причины разочарования: столкнулись с тем, чего не ждали, например, с фактами корыстолюбия, а то и мошенничества различных «пророков», «святых», «гуру» и т. д. Однако все же не следует делать вывод, что увлечение восточными и прочими экзотическими божествами на Западе подходит к концу, — феномен этот достаточно устойчив, поскольку сохраняют силу предпосылки, вызвавшие его к жизни: молодежь не видит перспектив в прагматической идеологии Запада и в том, что капиталистическое общество предлагает ей в качестве «ценностей».

И все же отмечается некоторое оживление интереса к традиционным религиям. Какую-то роль здесь играет волна консерватизма, прокатившаяся в последние годы по западным странам. Даже Чарльз Уотсон, убийца № 1 из банды Мэнсона, отбывающий ныне пожизненное заключение, отрекся от сатаны в пользу Христа (о чем он известил мир в своей книге, разумеется, тотчас ставшей бестселлером), более того, ему теперь поручено вести религиозный семинар (!) у себя в тюрьме.

Но — заметим — убийца Уотсон книгу написал, и ее напечатали. Солидные люди с телевидения посмеиваются над последователями Кришны и с удовольствием показывают на цветных экранах их пестрые толпы. И тут мы подходим к главному: вся эта игра вокруг религии весьма выгодна. Причем выгодна не только «пророкам»-бизнесменам — она выгодна и тем, в чьих руках находится власть.

МАТИСС- ДЖАЗ

(ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ТЕМУ)

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

Замечательный французский художник, прогрессивный общественный деятель и активный борец за мир Анри Матисс (1869—1954), стоявший вместе с Пабло Пикассо во главе нового движения европейской живописи XX века, был большим другом Советского Союза и почитателем русского искусства. Посетив в 1911 году Москву, он заявил: художники должны ездить учиться в Россию.

Россия же стала и той страной, где талант Матисса впервые получил по-настоящему глубокое понимание и высочайшую оценку; коллекции его полотен, находящиеся в Московском государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина и в Ленинградском Эрмитаже, не имеют равных себе ни в одной другой картинной галерее мира.

Недавно Музей имени Пушкина выставил привезенную из Франции серию поздних работ Матисса, особенно сильно проникнутых духом музыки — непременной чертой всего творчества этого художника — и объединенных им под общим названием «Джаз». По случаю открытия выставки, привлекшей к себе пристальное внимание как знатоков живописи, так и музыки, в «матиссовском» зале музея состоялся вечер-концерт: известный пианист, лауреат многих отечественных и международных джаз-фестивалей Леонид Чижик исполнял свои импровизации, навеянные картинами великого мастера. В концерте приняли также участие Алексей Кузнецов (гитара) и Алексей Исплатовский (контрабас).

Чудесная все-таки мысль — устраивать в музее концерты! Преображается решительно все. Воссоединение муз приносит новые измерения восприятия: глаза начинают слышать, слух обретает видение, рисунок развертывается, как мелодия танца, краски образуют аккорды, объемы создают звучности...

Наступает это, конечно, не сразу. И не всегда легко. Нередко приходится шаг за шагом приближаться к тому порогу, за которым перестает дей-

ствовать привычное, само собой разумеющееся, кажущееся незыблемым разделение вещей, позиций и эстетических переживаний. Мы, например, уверенно полагаем, что в любом музее есть как бы два полюса, две, так сказать, категории существования: с одной стороны — экспонаты (картины, статуи и т. д.), а с другой — люди, их рассматривающие, поясняющие и т. д. Между ними — неосязаемая, но несомненная и прочная граница. Она всегда отделяет **нас**, наше естественное, физическое, **здешнее** бытие от того особого, иного мира, в котором пребывают произведения искусства и куда нам удается проникнуть лишь в редкие моменты полного и отрешенного эстетического созерцания. Но вот перед нами в музейном пространстве появляются музыканты: к какой категории их отнести, по какую сторону границы поместить?

Музыканты пробуют усилительную аппаратуру посреди зала, где уже стоит рояль (кстати, только в музее понимаешь, до какой степени он красив и благороден; так бы ему и остаться здесь насовсем как шедевру пластического искусства!). Вы смотрите на них и вдруг с какой-то невольной дрожью осознаете, что эти люди собираются пересечь неосязаемую грань и наполовину находятся уже там, по ту сторону, тяготеют к другому полюсу. Сами они вряд ли так думают, просто деловито готовятся как можно лучше выполнить возложенную на них задачу и потому совершенно спокойно занимают место где-то поближе к Настоящим Мастерам, а те благосклонно соглашаются оказать им на данный случай необходимое покровительство.

Преувеличение? Фантазия? Выдумка? Игра воображения?

Разумеется. Но разве не то же самое заставляет нас вновь и вновь приходить к любимым произведениям и артистам, проводить рядом с ними долгие часы, раскрывать альбомы с их репродукциями, проигрывать их пластинки, посещать их концертные выступления или хотя бы об этом мечтать?

Тем временем пианист остался один за фортепиано, подумал немножко и заиграл что-то вступительное, без всякой темы и плана, просто для того, чтобы размять пальцы, почувствовать общее настроение и самому настроиться соответственно... Публика совсем еще не представляла, чего ей следует ожидать и к чему готовиться, а концерт уже начался. Концерт в музее, где **стены помогают** не в переносном, а в самом прямом, буквальном и точном смысле.

Музыка, воплощенная в цвете и линии. Линия и цвет, обращенные в музыку. Картины Матисса. Он говорил: «Картины — это ступени, ведущие нас к очищению от всего наносного, к исследованию первоисточника и слиянию с ним. К слиянию с теми первичными элементами, которые будоражат наши чувства до самых глубин».

Первичные элементы, исходные формы. История искусства свидетельствует: известные и безымянные художники искали и находили их сотни и тысячи лет назад. Эти поиски бесконечны, они продолжаются и сегодня. Матисс говорил: «Я обогащаюсь всеми формами и располагаю их в новом ритме. Лишь выражая этот новый ритм, художник творит».

Новый ритм. Движение эпохи. Пульс современности. Матисс улавливал его в одежде, утвари и бытовом колорите народов Востока, в магической напряженности африканской скульптуры, в танцах островитян Южных морей, в просветленной духовности древнерусской живописи и в незатейливом юморе вологодских игрушек.

Его влекли путешествия в пространстве и времени. Он знал, что прошлое (а может быть, вечное?) не умирает, но только прячется, уходит внутрь, дремлет, ожидая терпеливо своего часа. Того мгновения, когда люди вновь ощутят в нем нужду, услышат его призыв и пойдут навстречу. Конечно, чтобы его открыть, надо уметь видеть и слышать. Изумляться привычному. Находить чудо в обыденном. Задавать «наивные» вопросы и трепетать перед неизвестным еще ответом. Всему этому учит искусство. Учит и Матисс. Искушенный и мудрый знаток природы и человека, он до конца своих дней повторял: «Нужно смотреть на мир глазами ребенка».

Пианист кончил свое вступление и остановился, прикидывая в уме, что же сыграть теперь «по-настоящему»: в джазе такие вещи трудно предрешать заранее, сплошь и рядом приходится действовать применительно к ситуации и общей эмоциональной атмосфере момента.

Матиссу было уже за семьдесят, когда тяжелая болезнь заставила его на время отойти от мольберта, оставить краски и холст. Не в силах работать кистью, живописец взял... ножницы и создал около двадцати **декупажей** — силуэтов и отвлеченных форм, вырезанных из цветной бумаги и наклеенных на картон. (Так поступают дети, когда им нужно обязательно что-то изобразить, но очень не хочется проделывать долгую, кропотливую и в общем-то еще непосильную им работу: размечать пространство листа, устанавливать пропорции и объемы, проводить линии рисунка, раскрашивать плоскости и так далее — результат требуется немедленно!) Этой во многих отношениях «детской» серии старый мастер дал наименование «Джаз».

Почему? Загадка.

В тематике и названиях отдельных листов мы ничего похожего не находим. Условно-схематизированные и декоративные композиции, сведенные зачастую к одному цветовому пятну или простому узору: «Букет», «Икар», «Зеркало», «Самолет»... — никаких собственно джазовых и вообще связанных с музыкой или музыкантами сцен и сюжетов там нет. Тогда откуда же взялось такое название? Почему один из утонченнейших и строгих художников, воспитанных на классических традициях Пуссена и Шардена, ученик Бугро и Густава Моро, уже на склоне своей долгой и столь богатой впечатлениями жизни вспомнил вдруг именно о джазе?

Ведь джаз, как думало большинство его современников в 20-х и 30-х годах (а многие думают и теперь), был вульгарным танцевально-развлекательным жанром, о котором и упоминать-то неловко, когда речь заходит о высоком и серьезном искусстве. Загадка, как видим, еще более усложняется. Но, быть может, концерт в музее как раз и поможет ее разгадать?

Чижик решил сыграть несколько джазовых тем: из числа тех, которые Матисс мог предположительно слышать вскоре после окончания первой мировой войны в Париже или Ницце, а позднее — во время своих визитов в Соединенные Штаты.

«Сэйнт-Луи Блюз» — ну, естественно. Уильям Кристофер Хэнди сочинил эту печальную и яростную жалобу еще в 1914 году; десятилетие спустя она прочно вошла в репертуар величайшей джазовой певицы Бесси Смит и совсем еще молодого тогда Луи Армстронга, аккомпанировавшего ей на трубе, затем исполнявшего ту же вещь самостоятельно. Их записи, акустически очень несовершенные, но до сих пор поражающие нас своим воплем уязвленного сердца, переиздаются ныне уже для третьего и четвертого поколений коллекционеров во всех долгоиграющих антологиях классического джаза.

Можно ли передать подобное на рояле? Нет, да наш пианист и ставит себе совсем иную задачу. Ему (да и нам с вами) нужна ведь не факсимильная копия, но **портрет**, собирательный образ джазовой пьесы начала 20-х годов, который наш современник импровизирует с помощью техники и выразительных средств конца 70-х.

Еще пара хрестоматийных тем полувековой давности. Шутливо-грустный полувопрос: «Эйн'т мисбихэйвин?» («Я не веду себя плохо?») — его автор, Томас «Фэтс» Уоллер, блестящий пианист-виртуоз, неистощимый импровизатор и один из плодовитейших джазовых композиторов (у него учился юный Каунт Бэйси), всю жизнь носил маску эстрадного комика. Леонид Чижик напоминает — чуть-чуть, легким намеком — и о трагизме его судьбы. А сразу же затем виновато-смущенная улыбка Джимми Мак-Хью: «Ай кан'т гив ю энисинг бат лав, май бэйби» («Не могу дать тебе ничего, кроме любви, детка»): опять-таки как не вспомнить, что премьера одной из этих вещей стала бродвейским дебютом Армстронга, а вторая была поручена Дюку Эллингтону и его оркестру?

Помимо характеристики вкусов и общего духа эпохи, в импровизациях пианиста угадывается еще один — скрытый, лишь подразумеваемый, но неотступно вопрошающий мотив: а как относился, мог относиться к такому джазу Матисс? Что он в нем находил, как расценивал? Сумел ли он наладить с ним двустороннюю связь — непременное условие подлинно джазового переживания? Проник ли он сквозь экзотическую оболочку модной новинки из чужеземных краев, заглянул ли за размалеванную личину эстрадного негра, потешающего богатую публику в ночных клубах и дансингах? Приоткрылось ли ему хоть на миг то истинное лицо джаза, которое мы, как нам кажется, начинаем узнавать только сейчас?

Леонид Чижик вслушивается теперь в собственную игру: главнейшие темы-вопросы заданы, ответ должен всплыть из глубинных, подводных течений его импровизаций... («Когда мне удается привести себя в состояние полной импровизационной свободы, — сказал он как-то в разговоре со мной, — я уже ничего не выдумываю и не ищу, но просто стараюсь уловить и превратить в музыку те звуки, слова, краски, вообще все влияния и ощущения, которые в данный момент приходят ко мне из внешнего мира или сами рождаются внутри меня».) Тонкая и неровная музыкальная ткань, рвущаяся и снова соединяющаяся, ежесекундно меняющая зыбкие контуры и переливы своих узоров, сплетается совместным действием малообъяснимых, но несомненно реальных сил: джазовой традиции, питающей талант пианиста и, в свою очередь, развиваемой его творчеством; живописи Матисса, облучающей нас своей эстетической радиацией, наконец, настроением аудитории, зажатой меж двух этих огней, застигнутой врасплох, еще не готовой принять какое-то определенное решение.

Не все из присутствующих были любителями джаза, по крайней мере, половина относилась к происходящему со смешанными чувствами и держалась довольно замкнуто. Тут надо заметить, что на джазовых концертах при прочих равных условиях художественное качество любого произведения зависит именно от того, как чувствует, реагирует и ведет себя публика. Ее холодность, безразличие, нежелание соучаствовать (хотя бы мысленно) в процессе исполнения нередко останавливают, сковывают, замораживают даже самых опытных джазменов, резко снижают их творческий тонус и отбивают всякую охоту играть вообще. И, напротив, публика, доброжелательная и симпатизирующая, награждающая аплодисментами даже скромное проявление индивидуального артистизма во время сольных эпизодов, всегда готовая оказать активную поддержку и принять участие в «делании» музыки, — такая публика, как правило, помогает исполнителям найти в себе и реализовать художественные ресурсы, намного превосходящие «нормальный» уровень их мастерства.

Аудитория, собравшаяся на встречу с «Джазом» Матисса, не сразу оставила свою первоначальную сдержанность. Чтобы уверить их в оправданности предпринятого эксперимента, Чижик привлек все свои художественные и технические средства импровизационного убеждения. Ему пришлось нелегко. Пианист пускал в ход самые различные эстетические аргументы и музыкально-риторические фигуры, сталкивая контрастные звучности, часто меняя темп и модулируя в далекие тональности, взывая скорее к интеллектуальным ассоциациям, нежели к интуиции и эмоциям. Нужно было во что бы то ни стало пробить стену отчужденности, нащупать минимальный контакт, вызвать пусть самый слабый и робкий, но искренний импульс ответного доверия — то, без чего никакой джаз просто не может состояться.

Он уловил какую-то еле заметную перемену, поворот, сдвиг общего настроения на медленной балладе «Стар фелл он Алабэма» («Звезда упала на Алабаму»), и тут же к нему присоединились наконец оба Алексея — Исплатовский и Кузнецов. Момент был выбран вовремя — что-то отпустило внутри, темп выровнялся и приобрел естественность спокойного дыхания, возник регулярный пульс-бит, а за ним свинг — то волшебное чувство ритмической невесомости, в котором музыкант, а вместе с ним и слушатель полностью освобождается от тяготения метра и летит неудержимо, как стрела, выпущенная из лука времени. Начался джаз.

Да, Матисс мог слышать такую (или какую-то близкую к ней) музыку и, бесспорно, не случайно дал ее имя серии своих декупажей, вырезанных ножницами из цветной бумаги.

«Эти рисунки, — писал он в 1947 году, — с их яркими и сочными тонами возникли на основе уже сложившихся воспоминаний о цирке, народных сказках и путешествиях». Вот он — ключ к загадке, оставленный нам самим автором!

Цирковая тема — ведущая в «Джазе» Матисса. Листы «Цирк», «Клоун», «Похороны Пьеро», «Безумие белого слона» — бесшабашно-веселые, потешные и смешные, мужественные и трогательные, горькие и бесстрашные — самые музыкально-джазовые во всей серии.

Джаз (особенно джаз 20-х и 30-х годов) во многих отношениях близок и родственно перекликается с миром цирка. Армстронг, помимо всего прочего, был, как и «Фэтс» Уоллер, великим клоуном; Диззи Гиллеспи, головокружительный трубач № 1 последующего десятилетия, с полным правом мог бы носить титул непревзойденного акробата звука. В основе циркового искусства лежит, как известно, трюк — непринужденное, без видимых усилий исполнение того, что, судя по всему, кажется неисполнимым, то есть превосходящим обычные человеческие способности или противоречащим законам природы, — отсюда ощущение маленького чуда. Но та же самая установка — обман ожидания, внезапный сюрприз, поражающий воображение фокус и, конечно, чуть-чуть мистификации — составляет один из краеугольных камней эстетики джаза.

Народные сказки, то есть фольклор. Джаз — фольклорен насквозь. Его ценности до сих пор со-

храняются и передаются не в нотных текстах, но исключительно в импровизационно-исполнительской практике, в слышимом звучании (живом или запечатленном на пленке или пластинке). Недавно умерший Чарлз Мингус, джазмен эллингтоновского масштаба, называл свою музыку «новой народной формой»; Джо Завинул, руководитель самого популярного ныне джаз-рок-ансамбля «Уэзер рипорт», утверждает, что фундаментом его творчества является ритм-энд-блюз.

Путешествия. Никакая другая музыка на земле не проделывала в своем становлении таких длинных концов, не петляла такими глухими и неведомыми тропами, не испытала на пути так много влияний. Из Африки и Европы в Америку с первопоселенцами и на невольничьих кораблях; обратно в Европу и Африку в бегстве от непонимания и презрения, в поисках признания и забытых корней — безостановочные странствия, и оседлости попрежнему не предвидится...

Если сопоставить «Джаз» самого Матисса и принципы джазового искусства, то и здесь достаточно много общего в подходе к художественным задачам, в трактовке материала, в способах «инструментального» исполнения. Возьмем две пары важнейших понятий:

рисунок и цвет,
композиция и импровизация.

«В течение долгого времени цвет был всего лишь дополнением к рисунку. Художники строили при помощи рисунка, а затем уже добавляли локальный цвет». Теперь же, продолжал Матисс, идет «процесс реабилитации роли цвета, процесс утверждения его эмоциональной силы».

В классической музыке главная роль принадлежит композитору, он и только он целиком и полностью строит произведение от начала и до конца в тщательно зафиксированном рисунке-партитуре. Исполнителю же надлежит лишь неукоснительно следовать его строжайшим предписаниям, добавляя от себя только «цвет» слышимого звучания. Новейшие направления музыкального искусства (например, так называемая «алеаторика», вводящая в прочтение партитуры момент случайности) понемногу восстанавливают исполнителя в правах соавтора. В джазе же исполнение решает, то есть создает (или разрушает), практически все.

Матисс в своем «Джазе» не делал предварительных рисунков, но, «рисуя ножницами, врезался прямо в цвет» — не так ли джазмен-импровизатор, сочиняя музыку непосредственно в ходе игры на своем инструменте, врезается прямо в звук?

Чижик снова один за фортепиано. Он уже показал нам джаз, который мог слышать Матисс. Теперь ему предстоит задача потруднее: исполнить то, что видит и чувствует в «Джазе» Матисса он сам. Далеко не каждый джазмен решится пойти на такой риск — импровизировать вне всякой музыкальной темы, без какого бы то ни было заранее намеченного плана и предварительной репетиции. Леонид идет. В концертах он всегда отводит какое-то время для такой совершенно свободной — спонтанной, как он говорит, — импровизации. И обычно она становится самой интересной и волнующей частью его выступления.

Перед роялем ставят мольберт, на нем — пачка листов «Джаза». Чижик выбирает «Букет», полминуты пристально всматривается в цветную поверхность и начинает играть...

Издав свой «Джаз» в виде книги, художник сопроводил его краткими аннотациями. «Гуляя в саду, я рву цветы. Я собираю их в руке как придется, цветок за цветком, и иду домой с намерением их написать. Но стоит мне расположить их по-своему — и вдруг разочарование! Вся прелесть исчезла. В саду, когда я собирал цветы, мой вкус вел меня от цветка к цветку, и я бессознательно подобрал чудесный букет, который разрушил затем, искусственно расположив цветы». Радуга звуковых ароматов возникла и тут же рассеялась в воздухе — интересно, знал ли Чижик объяснение самого Матисса: «Очевидно, в то время, когда я собирал букет в саду, я совершенно инстинктивно перенес на него очарование давно увядших букетов, воспоминания о которых сохранились во мне».

«Лагуны» — «Счастлив тот, кто может петь с душою чистой и открытой»...

«Сердце». Отдельно о нем ничего не сказано. Но рядом подходящие слова Фомы Кемпийского, писателя, жившего много веков назад: «Любовь есть великое дело, великое поистине благо... Она несет бремя свое, не чувствуя его тяжести... Кто любит, тот летит, стремится и радуется. Он свободен, и ничего его не держит».

На мольберте много листов, на стенах много полотен — за один раз их не переиграть. Последняя импровизация пианиста на тему, подводящую итог всего вечера, — «Матисс, джаз и мы».

Ни описывать, ни комментировать больше я уже не берусь.

Вообще сказать о музыке что-то внятное и конкретное удается лишь о тех произведениях, которые хорошо знаешь (например, по записям), да и то лишь постольку, поскольку твой собеседник или читатель тоже до какой-то степени их знает или сумел бы прослушать и сравнить твои слова с собственным впечатлением. В данном случае ни той, ни другой возможности у нас пока нет. Говорю — пока, ибо открытие выставки и концерт снимали на кинопленку для телевидения, и, возможно, вскоре все мы сумеем с этим событием встретиться еще раз. А до той поры скажу лишь: по общему мнению (включая и мое), никто из присутствовавших не получал ранее от игры Леонида Чижика столь концентрированного заряда эмоциональной энергии (возможно, и даже весьма вероятно, в свою очередь, полученного им в общении с Матиссом).

Создатель «Джаза», «Танца», «Девушки с тюльпанами» и «Золотых рыбок» любил повторять:

«Я хочу, чтобы усталый, надорванный, изнуренный человек перед моей живописью вкусил покой и отдых». И сравнивал далее хорошую картину с мягким, удобным креслом, в которое на несколько минут мог сесть «работник умственного труда, деловой человек, писатель»...

Джаз долгое время служил чем-то аналогичным: минутным приютом для не имеющих крова, подушкой для тех, кому негде было приклонить голову.

Нынешнее поколение джазменов смотрит шире и ставит себе более честолюбивые цели. Наверное, так оно и должно быть в джазе, как и во всяком ином искусстве. «Тот молодой художник, — предупреждал Матисс, — который не может освободиться от влияния предыдущего поколения, сам копает себе могилу», ибо работа его будет погребена в произведениях великих мастеров прошлого. Чтобы помешать этому, он должен искать новые источники вдохновения, хотя «художник с тонкой чувствительностью никогда не оторвется от своих предшественников, и в его произведениях всегда будет и их вклад, хочет он того или нет. И если он сумеет остаться искренним перед лицом своего внутреннего чувства, не допустит самообмана и самодовольства, тогда его не покинет ни жажда знаний, ни (и это до глубокой старости) его рвение к тяжкому труду; ни потребность учиться у собственной молодости».

«Джаз» Матисса — один из таких уроков.

Вряд ли мы узнаем когда-нибудь, почему покончил с собой 26-летний учитель Ги Фабр. Это случилось в сентябре минувшего года, незадолго до начала занятий. Причина? Неизвестна. За добровольным уходом из жизни молодого человека всегда стоит слишком много тайн. Он не оставил записки, ни с кем не говорил перед смертью. Известно только, что его жизнь в последнее время стала совершенным абсурдом.

Ги Фабр родился и вырос в Тулузе. Там же закончил университет и получил диплом консультанта по вопросам профессиональной ориентации учащихся. Год не мог найти работу. Затем министерство просвещения предложило ему место в Фарбаке, в Эльзасе. Это место в Эльзасе отыскала электронно - вычислительная машина, ведающая педагогической сетью Франции. При такой системе, с гордостью утверждают министерские чиновники, когда все данные закладываются в компьютер, а он дает ответ, полностью исключаются личные мотивы. Нет никакого протекционизма. Абсолютно объективный подбор. Возможно...

В случае с Ги Фабром действительно все личные мотивы были исключены, потому что жена Ги, тоже преподаватель, и двухлетняя дочь остались в Тулузе. И вот каждую субботу Ги отправлялся за две тысячи триста километров, чтобы повидаться с ними. Можете сами прикинуть, что оставалось от его заработка и как складывались дела в молодой семье.

Ги Фабр не единственный, кто пришел к такому трагическому решению. Еще несколько преподавателей, оказавшихся в таком же положении, расстались с жизнью. Другие пытаются бороться с бюрократической машиной, пишут петиции, ходят по редакциям.

...Клоди пришла в конце августа в журнал «Нувель обсерватер». Ее история такова. Муж преподает в академии в Версале. Ей ЭВМ нашла место в небольшом городке Агондаж. Их проблема, с одной стороны, проста, с другой — неразрешима: если Клоди останется в Версале, она обречена на безработицу. Если муж переедет в Агондаж, не найдет места он. Приходится расставаться, и Клоди уехала в Агондаж, взяв с собой маленькую дочь. Семья встречается только по праздникам.

Директор департамента, беседовавший с нами по телефону, признал, что они завалены прошениями о переводе. Их приходит до пятидесяти в день. Профсоюз работников просвещения подтвердил, что в июне—июле «вся работа блокирована подобными историями».

Немудрено. Из ста тысяч дипломированных учителей (не считая помощников, воспитателей, консультантов и т. п.) в этом году попросили перевода двадцать пять тысяч. Просьба была удовлетворена в одном случае из трех. Значит, остается больше пятнадцати тысяч недовольных.

Есть и такие, кто отчаялся, ожидая, пока ЭВМ отыщет работу там, где живет семья, и, посмотрев последний раз в диплом, где черным по белому написано: «Диплом не дает права на должность», спрятал его в дальний ящик.

Париж. Улица Бельвиль, 237. Агентство по трудоустройству. 10 часов утра, конец недели, конец сентября. Их человек 40, одиннадцать из них с дипломами учителя или воспитателя. Они смирно сидят на стульях, поставленных в ряд. Они не разговаривают друг с другом; смотрят в пол и чувствуют себя неловко.

Время от времени вызывают очередной номер, и кто-нибудь из них встает, пересекает по-современному оформленный зал (темно-голубой бетон и застекленные перегородки) и садится на другой стул, поставленный перед письменным столом. И вот тогда он (или она) начинает говорить. Сначала робко — нелегко рассказывать о своих надеждах и неудачах незнакомому человеку, даже если знаешь, что он за это получает деньги.

— У меня специальность — воспитатель. Я ищу работу. Любую работу в учреждении. Нет, я еще никогда не работала. В министерстве просвещения мне предложили подождать до будущего года. У них в парижском районе нет ни одного места... Как вы думаете, если я не найду работу в ближайшее время, мне, может быть, стоит поехать на сбор винограда? Да, временная работа меня бы устроила...

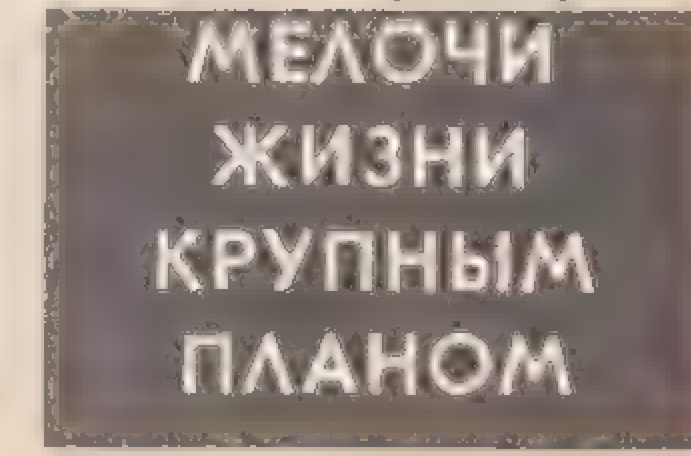
Так проходят все одиннадцать. В этот раз удача не улыбнулась ни одному. Но бывает, что и повезет.

Пьеру 24 года, он преподаватель истории, но еще ни разу не входил в класс как учитель. Работает он помощником кладовщика 56 часов в неделю. Зарплата минимальная.

Жану 23 года. Он нашел место на бензоколонке. Его специальность — английский язык. Больше всех повезло Филиппу, он работает сторожем, и у него почти бесплатная квартира. Его специальность — современная литература.

В школьные годы они мечтали об университете как об окне в мир свободы. Они ждали от образования как возможности личной материальной независимости, так и продвижения по социальной лестнице. Они думали, что, получив диплом, смогут наконец заниматься тем, что их интересует. Не их вина, что их молодость совпала с кризисом в экономике. А правильно ли называть нынешнее положение кризисом? Ведь под кризисом подразумевается нечто временное, преходящее. Между тем неумолимая статистика показывает, что в обозримом будущем никаких улучшений с трудоустройством учителей не предвидится. У общества есть куда более серьезные проблемы, нежели душевные терзания молодых педагогов. Пусть потерпят. Примерно такие слова были сказаны в свое время Ги Фабру.

Перевел с французского М. БЕЛЕНЬКИЙ
(«Нувель обсерватер», Франция)

ЭЙЗЕНШТЕЙН РИСУЕТ...

«Голоса и интонации моих персонажей сначала становятся выражением лица. Целые сцены, до того как они зазвучат в словах, звучат для меня в рисунках. Потому-то они и не претендуют ни на что иное; даже на то, чтобы зваться рисунками».

Так писал о своих графических работах (он называл их «стенопластикой», «моментальной записью в рисунках») кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, автор «Броненосца «Потемкин» (кстати, критики всего мира до сих пор считают его «лучшим фильмом всех времен и народов»), «Александра Невского», «Ивана Грозного». Сергей Эйзенштейн не считал свои работы чем-то самоценным: они просто помогали ему «выстраивать кадр».

Совсем иную оценку — восторженную — дают многочисленные посетители выставке 150 рисунков Эйзенштейна, недавно открывшейся в Париже. Конечно, выставка скромна: всего известно более двух тысяч работ режиссера, но и по ней можно судить об этапах пути, пройденного Эйзенштейном, — от юношеских гротескных сатир на дореволюционную Россию до набросков к знаменитым кинокартинам.

БЕГИ, МАЛЫШ!

Как модно отдавать детей в бассейн, в гимнастику и слалом! Ибо дети — повторение мечты (увы, несбывшейся) родителей о собственных рекордах и медалях летних и зимних Олимпиад. А папа шестилетнего Адама — Букминистер Кокс — из США решил все проще: пусть Адам побегает вволю, и купил ему кроссовки подходящего размера. И выпустил сына на марафонскую дистанцию — 42 километра. Адам бежал со взрослыми и ног своих не чувствовал. Но с дистанции не сошел. Его результат — 5 часов 35 минут. Но это ведь не главное. Победа Адама в другом — на земле есть миллионы взрослых и сильных мужчин, которые за долгую жизнь не пробежали столько, сколько он за шесть неполных лет...

Беги, малыш! На твой век дистанций хватит: Земля — планета круглая.

ШУМ И ЯРОСТЬ

Снимок сделан в Калифорнии, в районе Биверли Хиллс, в двух шагах от Голливуда. Но это не кино. Это настоящая ярость и боль. И, как ни покажется странным, это миг славы.

В Лос-Анджелесе среди особняков кинозвезд идет демонстрация иранских студентов. Почему именно там? Потому что по нынешним временам в особняках живет все меньше звезд и все больше нефтяных шейхов. А среди шейхов — принцесса Ашрад, сестра шаха Реза Пехлеви, как брат, сбежавшая от гнева народа Ирана.

Сотни иранских студентов пришли к высокой ограде виллы, чтобы крикнуть через нее о своей ненависти, своем презрении. Они не застали врасплох американскую полицию: та, как всегда в подобных случаях, подтвердила свою оперативность. Машина № 52 первая протаранила толпу...

Такие горячие моменты, как правило, не застают врасплох и расторопных американских корреспондентов: Майкл Херринг из «Геральд экземинер» был на нужном месте в нужную секунду, сделав этот поразительный снимок, в котором есть ярость, боль и... слава для Майкла Херринга.

СОВСЕМ НЕ ТАКОЕ ДЕРЕВО...

Задушенные выхлопными газами. Зажатые цементом и асфальтом. Порубленные и порезанные. Засохшие и обожженные... В таких мрачных красках описывает миланский журнал «Эуропео»... итальянские деревья. Пинии, кипарисы, каштаны, дубы, платаны...

Не только гибнущая красота городских улиц и пейзажей тосканских холмов волнует ученых и журналистов; яд, убивающий растительность, дуплетом бьет и по здоровью людей: в вине с виноградников, расположенных рядом с «автострадой солнца», найдено заметное количество свинцовых примесей.

Впрочем, беда с растительностью не только итальянская; положение тревожно по всей Западной Европе.

В чем же основные причины бедствия и где пути избавления от него? Они жестко и логично связаны: надо на деле, а не на бумаге строить очистные сооружения, надо регулировать размещение промышленных объектов, надо продумывать городское планирование... Нужна серьезная экологическая политика — и в интересах среды, и в интересах человека. Словом, необходимо общество, которое умеет по-настоящему заботиться и о природе и о человеке.

МАРТИНУ ЛЮТЕРУ КИНГУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Перед нами две фотографии Мартина Лютера Кинга. Та, что справа, сделана одиннадцать лет назад во время грандиозного «марша на Вашингтон» борцов за гражданские права. На другой фотографии — актер Пол Уинфилд в роли Кинга. Недавно по телеэкранам США прошел шестичасовой документально-игровой сериал о жизни Кинга, убитого расистами 4 апреля 1968 года. Буржуазные кинокритики единодушно заявили: фильм не удался. Он, видите ли, собрал не так уж много зрителей. Что ж, у американской кинокритики свои критерии качества, в числе которых не последнее место принадлежит коммерческим показателям. Иной взгляд на этот вопрос у негритянской молодежи, которая вышла 4 апреля на массовую демонстрацию памяти Кинга под теми же лозунгами, что и при жизни выдающегося борца за права черного населения Америки, — против безработицы и против расовой дискриминации.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

ВАМ ХОЧЕТСЯ ПЕСЕН?

Мы уже писали об американском ансамбле «Осмондз» в № 3/74. Тогда на сцене выступали семь представителей этой семьи. Сейчас поют лишь двое — Донни и Мэри, остальные хоть и не поют уже, но все тем не менее при шоу-бизнесе. Братец Вирл руководит рекламой, братец Том — связями с прессой, братец Алан — вице-президент семейной компании «Осмонд энтертейнмент» (президент, естественно, отец фамилии). Продолжим: братец Вэйн — глава семейной фирмы грамзаписи, братец Меррилл ведает опять же семейной телестудией, братец Джей — отвечает за концерты; младшенький, пятнадцатилетний Джимми, тоже при деле: представляет семью в клубах поклонников. Мама же следит за тем, чтобы фирмы, проставляющие имя «Осмондз» на своей продукции: коробках для школьных бутербродов, майках, игрушках (с куклами «Мэри Осмонд» вы и видите ее на снимке) и прочая и прочая,— платили исправно. А на подходе девятнадцать внуков — некоторые уже снимаются в шпионских фильмах на принадлежащей семье киностудии.

«Все, к чему прикасаются руки Осмондов, превращается в золото», — восторженно сообщает американский журнал «Лайф» и приводит цифры, цифры, цифры, о музыке при этом — ни слова. И то правда: до песен ли?

Петер Бихсель (родился в 1935 году) — один из наиболее известных сегодня швейцарских писателей и публицистов. О чем он пишет, что волнует и тревожит его? О том, что простому человеку в его родной Швейцарии, находящейся как бы на особом положении среди капиталистических стран, ничуть не лучше, чем в любой другой стране, которой правят представители «достойнейших семейств», буржуа, проповедующих, что власть вещей — всесильна, а человеческое достоинство, честь, желание людей помочь друг другу — якобы никчемные, давно устаревшие понятия. Петер Бихсель любит вспоминать изречение английского философа прошлого века Джона С. Милля: «Лучше быть неудовлетворенным человеком, чем удовлетворенной свиньей». И эти слова — ключ к творчеству писателя. Петер Бихсель показывает, как страдают люди от одиночества, бездуховности, пустопорожней болтовни и взаимного отчуждения в буржуазном обществе, причем это разобщение обществом насаждается намеренно, ибо справиться с одиночками всегда проще. Форма притчи, нередко избираемая Бихселем, позволяет ему выразить свою мысль особенно наглядно.

РАССКАЗЫ

Петер БИХСЕЛЬ,
швейцарский писатель

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Изобретатель — профессия, которой не научишься, поэтому она и редкая. Сегодня изобретатели совсем, можно сказать, перевелись. Теперь разные важные вещи придумывают не изобретатели, а инженеры и техники, механики, архитекторы или целые коллективы. А большинство людей ничего не изобретает.

Раньше изобретатели еще встречались. Одного из них звали Эдисон. Он изобрел лампочку накаливания и граммофон, который тогда называли фонографом, изобрел микрофон и построил первую в мире электростанцию, изобрел первый киносъемочный аппарат и аппарат для показа фильмов.

Не будь его, не было бы на свете многих важных вещей.

Вот какие серьезные люди изобретатели.

Один из последних, Эдисон, умер в 1931 году.

Правда, в 1910 году родился другой, который жив и по сей день. Никто его не знает, потому что он живет в такое время, когда в изобретателей больше не верят.

Он этого не знал, потому что с юношеских лет жил не в городе, а в деревне и никогда ни с кем не встречался: изобретатели предпочитают уединение.

Он целыми днями что-то рассчитывал и чертил. Или сидел часами, морща лоб, время от времени проводил рукой по лицу и размышлял.

Потом брал свои расчеты, рвал их в клочки, выбрасывал и начинал все сначала, а по вечерам он был не в духе и что-то бурчал под нос, потому что опять ничего не вышло.

Никто в его чертежах разобраться не мог, и не имело никакого смысла спорить с редкими гостями. Он корпел над своим изобретением сорок лет и, когда его навещали, прятал чертежи. Во-первых, из страха, чтобы не сглазили, а во-вторых, чтобы не высмеяли.

Спать он ложился рано, вставал тоже рано и работал целый день. Писем не получал, газет не читал и ничего не знал о том, что изобретено радио.

После многих-многих лет наступил один вечер, когда настроен он был весьма недурно, ибо сделал наконец свое изобретение. В ту ночь он спать не ложился. А потом несколько суток подряд сидел над расчетами и проверял их. Все сходилось.

Тогда он свернул все чертежи в рулон и впервые за долгие-долгие годы вновь отправился в город.

Он, его город, изменился до неузнаваемости.

Лошадей на улицах совсем не видно, зато автомобилей полным-полно. В большом универмаге наверх поднимаются по эскалатору, а на железной дороге нет больше паровозов. Трамваи ездят теперь под землей и называются метро, а из маленьких ящиков, которые люди носят с собой, звучит музыка.

Изобретатель удивился. Но, будучи изобретателем, быстро во всем разобрался.

Увидев холодильник, сказал: «Ага!..»

Увидев телефон, тоже сказал: «Ага!..»

А когда увидел столб с красными и зелеными лампочками, тоже сообразил, что при красном свете людям положено останавливаться, а при зеленом — переходить улицу.

Он все понял, но его охватило такое удивление, что он чуть не забыл о своем изобретении.

Вспомнив о нем, подошел к мужчине, остановившемуся, как и он, на красный свет, и сказал:

— Извините меня, уважаемый! Но я сделал изобретение.

Незнакомец, человек дружелюбный, поинтересовался:

— И что вы хотите с ним сделать сейчас?

Изобретатель не знал, что ответить.

— Вообще-то это очень важное изобретение, — сказал он, поразмыслив. Но тут зажегся зеленый свет, и они быстро потеряли друг друга в толпе прохожих.

Если кто долго не был в городе, он, чего доброго, еще в нем заблудится, а если он приехал с чертежами изобретения, то вряд ли вспомнит, куда их надо нести.

Так что же было ответить людям, к которым изобретатель обращался с вопросом: «Куда мне пойти с моим изобретением?»

Большинство отделывалось молчанием, кое-кто высмеивал изобретателя, а некоторые проходили мимо, будто глухие.

Изобретатель давно не встречался с людьми и не знал толком, как завязать разговор. Что сначала говорят, например: «Скажите, пожалуйста, который час?» или «Ужасная погода сегодня, правда?»

Он даже не думал о том, что совершенно невозможно, просто неслыханно вот так взять и сказать: «Я, видите ли, изобрел кое-что». И когда кто-то сказал ему в трамвае: «Солнечный сегодня выдался денек», он не ответил: «Да, великолепный!», а пошел напролом: «Послушайте, я сделал изобретение!»

Теперь он ни о чем другом и думать не мог: его изобретение было великим, важным, редчайшим.

Не будь он убежден, что расчеты верны, он и сам не сразу поверил бы в него.

Он изобрел аппарат, в котором можно было увидеть, что происходит далеко-далеко.

Вскочив в трамвае со своего места, он разложил свои чертежи на полу у ног пассажиров и воскликнул:

— Вот, взгляните, я изобрел аппарат, в котором видно, что происходит далеко-далеко!

А люди делали вид, будто ничего не произошло, они входили и выходили на остановках, не обращая на него внимания.

— Но посмотрите же, и вы убедитесь, что я изобретатель. В этом аппарате можно увидеть вещи, происходящие за тысячи километров, — взывал к ним изобретатель.

— Он изобрел телевидение! — прыснул кто-то, и все засмеялись.

— Почему вы смеетесь? — спросил он, но ему не ответили.

Он вышел из трамвая и долго бродил по улицам, останавливаясь на красный и переходя их на зеленый свет. Потом зашел в ресторан, заказал кофейничек кофе, а когда сосед обратился к нему со словами: «Прекрасная погода сегодня», изобретатель взмолился:

— Умоляю, помогите мне! Я изобрел телевидение, а мне никто не верит — все высмеивают меня!

Его сосед ничего не ответил, а только внимательно посмотрел на изобретателя. И тогда тот спросил:

— Почему все надо мной смеются?

— Они смеются, — ответил сосед, — потому что телевидение давно существует и его незачем больше изобретать. — Указав пальцем на стоящий в углу ресторана телевизор, он спросил: — Включить?

— Нет, — сказал изобретатель, — я не хочу этого видеть.

Встал и ушел. А чертежи оставил на столе.

Он шел по городу, не обращая внимания на красный и зеленый свет, и водители ругали его почем зря.

С тех пор изобретатель никогда больше не появлялся в городе. Вернувшись домой, он стал изобретать только для себя.

Взяв лист бумаги, он писал на нем: «Автомобиль». Он долго считал и пересчитывал, чертил несколько месяцев и заново изобретал автомобиль, а потом и эскалатор, телефон, а под конец — холодильник.

Все, что он увидел в городе, он изобрел заново.

И всякий раз, когда изобретение было сделано, он рвал чертежи, бросал их в камин, говоря: «Это уже существует!»

Но всю свою жизнь он прожил как настоящий изобретатель, ибо изобретать вещи, которые уже существуют, очень и очень непросто и способны на это одни изобретатели.

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ НИЧЕГО НЕ ХОТЕЛ БОЛЬШЕ ЗНАТЬ

— Я ничего не хочу больше знать, — сказал человек, ничего не хотевший больше знать.

Человек, ничего не хотевший больше знать, сказал:
— Я ничего не хочу больше знать.

Сказать-то это легко. Сказать-то это легко.

И сразу зазвонил телефон.

Но вместо того чтобы вырвать шнур из стены, что ему полагалось бы сделать, раз он не хотел больше ничего знать, он снял трубку и назвал свое имя.

— Добрый день, — сказали ему.

И он тоже сказал:

— Добрый день.

— Прекрасная сегодня погода, — сказали ему.

А он, вместо того чтобы ответить: «Не желаю я больше ничего знать!», проговорил:

— Да, наверное, сегодня прекрасная погода.

И потом ему сказали еще что-то.

И он что-то еще сказал.

А потом положил трубку и очень на себя разозлился, потому что узнал, какая сегодня погода.

И вырвал шнур из стены, воскликнув:

— Не хочу я ничего этого знать, хочу обо всем забыть!

Сказать-то это легко. Сказать-то это легко.

Но когда в окно светит солнце, знаешь: день солнечный.

Он опустил жалюзи на окне, но лучи солнца проникали в комнату сквозь прорези.

Он достал черной бумаги, клея, заклеил окна и оказался в полной темноте.

Так он сидел долго-долго, и, когда вошла жена и увидела заклеенные окна, она перепугалась не на шутку.

— Как это понимать? — спросила она.

— Не хочу видеть света солнца, — сказал он.

— Тогда ты будешь сидеть в темноте, — сказала жена.

— В этом есть свои недостатки, — согласился он, — но так лучше. Солнца я не увижу, буду сидеть в темноте, зато не буду по крайней мере знать, что на дворе прекрасная погода.

— А что ты имеешь против хорошей погоды? — удивилась жена. — От хорошей погоды теплеет на душе.

— Я ничего против хорошей погоды не имею, — ответил муж, — я вообще к погоде претензий не имею. Просто я не хочу знать, какая она.

— Тогда включи хотя бы свет, — заметила жена и направилась было к выключателю, но муж сорвал с потолка лампу вместе с абажуром и сказал:

— Я не хочу больше знать ничего о свете, в том числе и то, что его можно включить.

Тут его жена расплакалась.

А муж объяснял:

— Видишь ли, я вообще ничего не хочу больше знать.

Жена его ничего понять не смогла, но плакать перестала и ушла, оставив мужа в темноте.

И пробыл он в темной комнате довольно долгое время.

Люди, приходившие в гости, спрашивали жену о муже, и жена объясняла им:

— Дело вот какое: он, понимаете ли, сидит в темноте и не желает, видите ли, ни о чем знать.

— Чего он не хочет знать? — спрашивали гости, а жена объясняла:

— Ничего, ну ровным счетом ничего знать не хочет. Не хочет знать того, что видит: какая, например, погода.

Не хочет знать того, что слышит: что, к примеру, говорят люди.

Не хочет знать того, что знает: того, к примеру, как включают свет.

Такие-то дела.

— Ах, вот оно что, — говорили гости и больше у них не появлялись.

А хозяин дома продолжал сидеть в темноте.

И жена его приносила ему в комнату еду. И спрашивала:

— Чего ты уже не знаешь?

— Пока что я знаю еще все, — отвечал он с грустью, ибо был не в силах ни о чем забыть.

Жена, стараясь утешить его, говорила:

— Но ведь ты не знаешь, какая погода.

— Я не знаю, какая она, — соглашался муж, — но знаю, какой она может быть. Я вспоминаю о дождливых днях, вспоминаю и о солнечных.

— Ты забудешь это, — говорила жена.

— Сказать-то это легко, сказать легко, — отвечал муж.

Он продолжал сидеть в темноте, а жена каждый день приносила ему еду. Глядя на тарелку, муж говорил:

— Я хоть и не вижу, но знаю, что это картошка, знаю, что это мясо, узнаю вкус цветной капусты; нет, ничего тут не поможет, я всегда буду все знать. И каждое слово, которое я произношу, мне знакомо.

А когда жена в другой раз спросила его:

— Что ты еще знаешь, что помнишь?

— Я знаю гораздо больше, чем раньше. Я знаю не только то, что погода бывает прекрасной или премерзкой, я знаю теперь, что значит, когда никакой погоды нет. И еще знаю, что, когда совсем темно, это еще не совсем темно, может быть темнее! — ответил муж.

— Но есть все же вещи, которые тебе неизвестны, — уперлась жена. — Ты не знаешь даже того, как «прекрасная погода» будет по-японски, вот! — И с этими словами она захлопнула за собой дверь.

И тут человек, не желавший ничего знать, глубоко задумался. Он действительно не знал японского, и что толку тогда говорить: «Я не желаю этого знать!», когда ты этого и не знал никогда.

— Надо сперва узнать, чего я не хочу знать! — воскликнул он и распахнул окно, сорвав со стекол темную бумагу.

За окном лил дождь, и он с удовольствием смотрел на его сильные струи.

Потом он отправился в город, чтобы купить книги обо всем, что связано с Японией, а вернувшись домой, обложился ими и принялся рисовать на бумаге сложные иероглифы.

Когда к ним приходили гости и спрашивали у хозяйки дома, что поделывает ее супруг, она объясняла:

— Дело вот в чем: он, видите ли, взялся за японский язык. Вот как обстоит дело.

После этого гости забывали дорогу в их дом.

Пока выучишь японский, проходят месяцы и годы. А когда он, наконец, добился своего, сказал:

— Все равно я знаю недостаточно много. Я должен знать все, ибо только тогда смогу сказать, что ничего этого знать не хочу!

Я должен знать вкус вина. Вкус доброго вина и вкус прокисшего. Когда я ем картошку, я должен знать, как ее сажают.

Я должен узнать всех животных, как они выглядят, где живут и как ведут себя.

Он купил себе книгу о кроликах, книгу о курах, книгу о лесных животных и книгу о насекомых.

А потом купил книгу о носорогах.

И носороги ему очень понравились.

Он отправился в зоопарк, нашел там носорога и стал за ним наблюдать.

Он отчетливо видел, что носорог пытается о чем-то думать, сообразить что-то, и видел, с каким трудом носорогу это дается.

И всякий раз, когда носорогу что-то приходило на ум, он мчался по загону во весь опор, пробегал два-три круга, забывал при этом, что же такое ему пришло в голову, и останавливался как вкопанный. Стоял так час-другой и снова бросался бежать во весь опор, когда вспоминал.

И поскольку он все время срывался с места чуть раньше, чем следовало бы, ему почти ничего в голову и не приходило.

— Хотел бы я быть носорогом, — проговорил в раздумье наш герой. — Но это желание, пожалуй, неосуществимо.

Вернувшись домой, он стал думать о своем носороге. И почти ни о чем другом ни говорить, ни думать уже не мог.

— Мой носорог, — говорил он, — думает слишком медленно, а бежать бросается слишком рано. Но ему так нравится, — глубокомысленно заключал он, забывая при этом, что́ же он сам хотел узнать, чтобы решить, чего знать не надо.

И жил с тех пор обыкновенной жизнью, как и до своего странного решения.

Разве что теперь он знал еще и японский язык.

О ЧЕЛОВЕКЕ С НЕОБЫКНОВЕННОЙ ПАМЯТЬЮ

Знавал я человека, выучившего наизусть все расписания движения поездов. Единственной его радостью в жизни были железные дороги, и все свое свободное время он проводил на вокзалах, наблюдал, как поезда приходят и как они отходят от перрона. Он поражался удобству вагонов, мощи тепловозов, величине колес, преклонялся перед ловкостью проводников, вскакивающих на подножку на ходу, и обходительностью вокзального персонала.

Он знал все о любом поезде: о месте его формирования и маршруте, о промежуточных станциях и том, какие там формируются поезда и в какое время они туда-то и туда-то прибудут.

Ему были известны номера поездов, дни их отправления, наличие в них вагонов-ресторанов или почтовых вагонов, знал цену билета до Фраунфельда, Ольтена, Нидербиппа и т. д. ...

Он не посещал кафе, не ходил в кино, не гулял, не ездил на велосипеде, не имел ни радиоприемника, ни телевизора, не читал ни газет, ни книг, и, получи он письмо, он не стал бы читать и его. На это у него не хватало времени, ибо он проводил его на вокзале и

только во время изменения расписания на сезон, в мае и октябре, по нескольку дней сидел дома.

Сидя за письменным столом, он учил эти расписания наизусть от первой и до последней страницы, отмечал изменения и радовался им.

Иногда случалось, что кто-нибудь из отъезжающих спрашивал его на вокзале о времени отправления поезда.

Тогда лицо его сияло. Он переспрашивал обычно, куда именно направляется пассажир. И чаще всего случалось так, что тот в конце концов опаздывал на поезд. Потому что ему сообщали не только время отправления, но и номер поезда, число вагонов, расстояние между отдельными станциями; пассажиру объясняли, что этим поездом можно ехать и в Париж, только надо сделать пересадки там-то и там-то. Говоривший это никак не хотел понять, что эти сведения мало кого интересуют. А если его обрывали на полуслове и уходили прежде, чем он успевал выложить все свои знания, он кричал вслед ушедшему:

— Вы в железных дорогах ничего не смыслите!

Сам он ни разу поездом не ездил.

В этом, по его словам, не было никакого смысла, так как он заранее знает, во сколько и куда поезд приходит.

— Железной дорогой, — говаривал он, — пользуются только люди с плохой памятью. Будь у них память получше, они запомнили бы время прихода и отправления поездов, и им незачем было бы ездить, чтобы понять, что такое течение времени.

Я пробовал переубедить его, говоря:

— Есть же люди, которые любят ездить по железной дороге. Им нравится наблюдать за быстро бегущими назад картинами. И, в конце концов, им простонапросто надо попасть в другое место.

Тогда он начинал сердиться, считая, что я насмехаюсь над ним:

— Подумаешь, картины природы! Обо всем этом тоже говорится в расписании. Направляясь, например, к вашему отцу, вы проедете через Лутербах, Дайтиген, минуете Вантеи, Нидербипп, Ёнзинген, Обербухзиген, Эгеркинген и Хегендорф.

— Но в основном-то людям просто необходимо куда-то ехать!

— И это не может служить ни объяснением, ни оправданием, — упорствовал он. — Почему же они всегда возвращаются, если им необходимо куда-то ехать? Я знаю многих, которые каждое утро куда-то уезжают отсюда, а вечером возвращаются. Вот какая у них плохая память!

И тут он принимался ругать собравшихся на перроне людей, крича им вслед:

— Идиоты вы, никакой у вас памяти нет!

И еще он кричал:

— Вы проедете мимо Хегендорфа! — считая, что испортит им этим удовольствие от поездки.

Или так:

— Болван вы этакий, вы же вчера уже ездили этим поездом!

А когда люди смеялись в ответ, он пытался стащить их со ступенек вагона, заклиная не ездить этим поездом.

— Я все вам объясню, — не унимался он. — Мимо Хегендорфа вы проедете в 14.27, я это точно знаю. Зачем же вам выбрасывать деньги на ветер? В расписании все сказано точно — к чему проверять?

Иногда дело доходило до рукоприкладства.

— Не желающий слушать, да ощутит! — провозглашал он.

И дирекции вокзала не оставалось ничего другого, кроме как предупредить его, что, если он не будет вести себя прилично, ему запретят появляться на вокзале. Он страшно испугался, потому что без вокзала жить не мог. Не говоря ни слова, часами просиживал на скамейке, наблюдая за приходящими и уходящими поездами, лишь изредка произнося шепотом несколько цифр. Глядя вслед пассажирам, он никак не мог их понять.

На этом, вообще-то, можно было бы поставить точку.

Но дело в том, что несколько лет спустя на вокзале поставили «Справочное бюро». В застекленном киоске сидел чиновник, который отвечал на все вопросы о движении поездов. Человек с необыкновенной памятью не поверил в это. Каждый день он подходил к «Справочному бюро» и задавал вопрос посложнее, чтобы испытать чиновника.

— Какой номер у поезда, который летом приходит по воскресеньям в 16.24 в Любек?

Чиновник открывал книгу и отвечал ему.

— Во сколько я приеду в Москву, если я отправлюсь отсюда поездом в 6.59? — спрашивал он.

И чиновник отвечал ему.

Тогда он пошел домой, сжег все железнодорожные расписания, чтобы больше о них не думать.

Но на другой день спросил чиновника:

— А сколько ступенек на лестнице перед зданием вокзала?

— Не знаю, — ответил чиновник.

И он, осчастливленный, промчался через все здание вокзала, подпрыгивая от радости.

— Он не знает! Не знает! — восклицал он.

Пошел и пересчитал все ступеньки лестницы перед зданием вокзала и навсегда запечатлел эту цифру в своей памяти, где не было больше места для железнодорожных расписаний.

С тех пор на вокзале его не видели.

Он обошел все дома города, пересчитал в них все ступеньки и запомнил эти числа. Теперь он знал такие вещи, которых не узнаешь ни из одного справочника в мире.

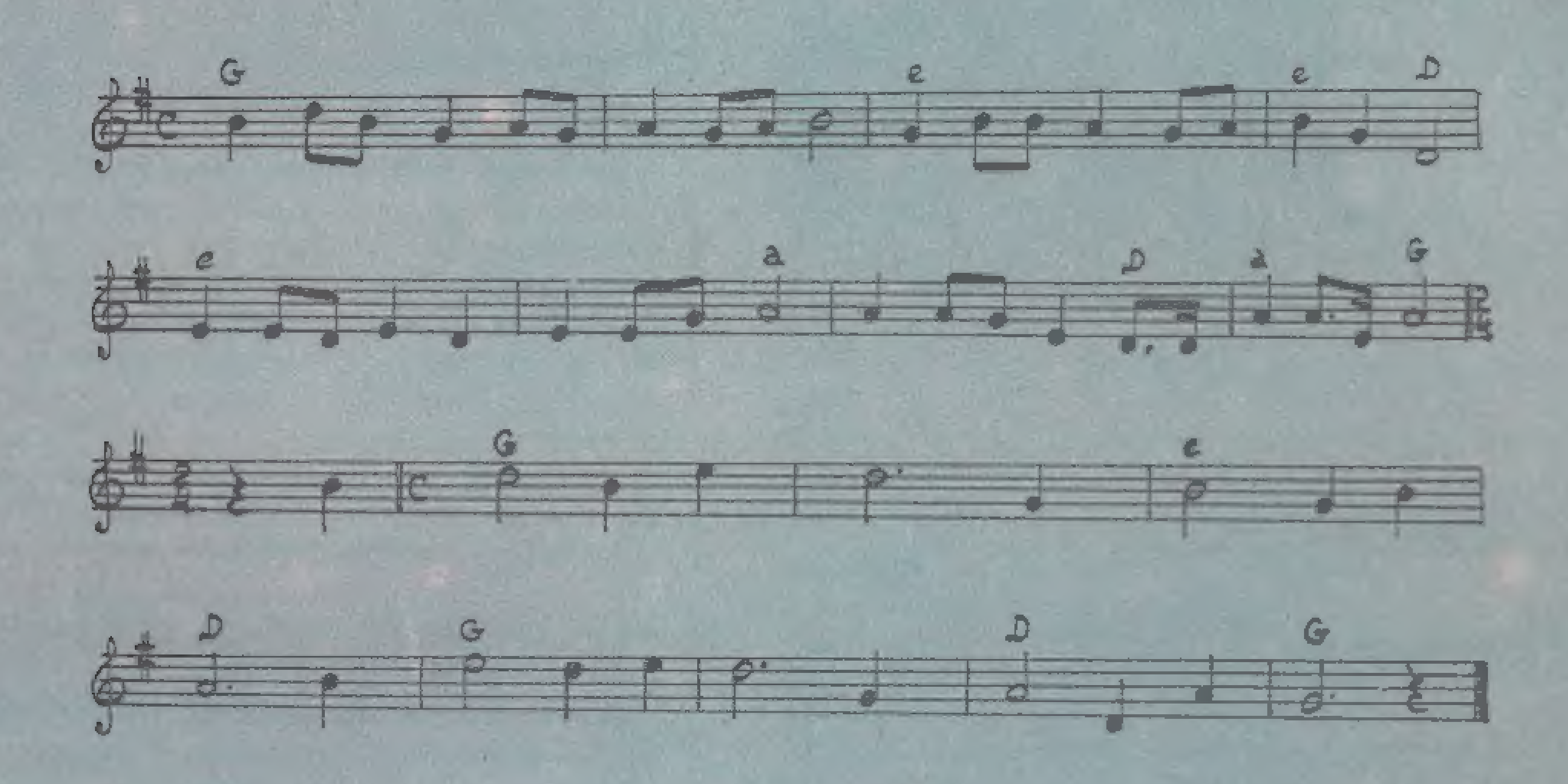
Запомнив число ступенек в каждом доме и каждом учреждении своего родного города, отправился на вокзал, купил себе билет и впервые в жизни сел в поезд, чтобы поехать в другой город и пересчитать все ступеньки в его домах, а потом отправиться дальше и пересчитать число ступенек в домах всего мира, чтобы знать нечто такое, чего не знает никто на свете и ни один чиновник ни в одной книге не вычитает.

Перевел с немецкого Евг. ФАКТОРОВИЧ

Рис. С. ТЮНИНА

В апреле в Тольятти проходил очередной, VI фестиваль песни памяти Виктора Хары. Тольяттинский фестиваль становится, пожалуй, самым представительным международным форумом политической песни в нашей стране. Выступали ансамбли из Чили, Бразилии, Вьетнама, ГДР, Кубы, других стран. Фестиваль этого года был посвящен 60-летию Коммунистического интернационала молодежи, и в рамках фестиваля прошли дискуссии, митинги, встречи, вечера дружбы. Состоялся митинг в поддержку борьбы вьетнамского народа против китайской агрессии. На этом митинге исполнялась и песня, которую мы публикуем здесь. Музыка — вьетнамская народная, русский текст — выступавшего на фестивале московского ансамбля «Гренада».

ВЬЕТНАМ ПОБЕДИТ!

Снова нас гонят с обжитых мест,
снова на школьных дверях красный
крест.
Вновь за винтовку берется народ —
враг не пройдет, враг не пройдет!

Припев: Вьетнам победит! — *4 раза*

Ямы окопов ранят поля.
«Хватит, довольно, — просит
земля, —
места не хватит для новых могил,
дайте зерна, больше нет уже сил...»

Припев.

Только врагам нас не взять все
равно,
это понять им пора уж давно.
Раз за винтовку берется народ —
враг не пройдет, никогда не
пройдет!

Припев.

Индекс 70781
Цена 25 коп.